

АЛЕКСАНДР ЛЫШКОВ

БЫТЬ
В СБОРНИК РАССКАЗОВ
ФОРМЕ



Александр Лышков

Быть в форме

«Издательские решения»

Лышков А.

Быть в форме / А. Лышков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936408-1

«Быть в форме» — это сборник рассказов, в который вошли воспоминания автора о службе в военно-морском флоте и истории, случившиеся с ним и его друзьями в период конца прошлого — начала нынешнего тысячелетия. События описаны в жанре иронической прозы. Для читателей, входящих в число друзей и знакомых автора, а также просто для любителей этого жанра.

ISBN 978-5-44-936408-1

© Лышков А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие ко второму изданию, исправленному и дополненному	6
В военной форме	7
Визит Главкома	7
МАМАША ШИРШОВ	9
«БОГЕВЕ ПОЧЕРУ» ИЛИ РУЧКИ НА ВЫРУЧКУ	14
КУРЯТНИК	17
Владивосток, без десяти 2000	19
Апельсец	33
В спортивной форме	37
Пан Спортсмен	37
Турнир ВМФ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Быть в форме

Александр Лышков

© Александр Лышков, 2018

ISBN 978-5-4493-6408-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



«Быть в форме» – это сборник рассказов, в который вошли воспоминания автора о службе в военно-морском флоте и истории, случившиеся с ним и его друзьями в период конца прошлого – начала нынешнего тысячелетия. События описаны в жанре иронической прозы.

Для читателей, входящих в число друзей и знакомых автора, а также просто для любителей этого жанра.

Предисловие ко второму изданию, исправленному и дополненному

Во второе издание сборника вошли известные по «Общей тетради» истории нашей компании и другие воспоминания, претерпевшие некоторую переработку и прошедшие «шлифовку» с учётом того небольшого опыта, который автор приобрёл за последний год на уровне сравнительно нового для него литературного творчества. Сборник содержит несколько новых историй из жизни нашей компании, а также небольшой цикл рассказов о тех событиях, которые автор пережил или свидетелем которых явился в период обучения в военно-морской академии и в ходе дальнейшей службы в ВМФ.

Один из рассказов об этом периоде – «Мамаша Ширшов» – был номинирован на национальную литературную премию «Писатель года 2017» и вошёл в число её финалистов.

Также, как и в предисловии к первому изданию, автор выражает надежду на великодушие и снисходительность у тех, кого он упомянул в этой книге, а также на то, что эти сочинения вызовут интерес и, может быть, улыбку у читателя, который не имеет непосредственного отношения к описываемым событиям и не знаком с их участниками.

Некоторые имена и фамилии упомянутых в рассказах лиц изменены в силу этических соображений.

Автор выражает признательность Зое Хлебниковой, оказавшей помощь в редактировании рукописи.

Обо всех обнаруженных неточностях и опечатках прошу сообщить по адресу lyshkov@mail.ru

В военной форме

Визит Главкома

На утреннем построении слушателям объявляют приказ начальника академии в полдень собраться в актовом зале. Занятия, назначенные на эти часы, отменяются. Потому как повод к этому далеко не ординарный – в академию с визитом прибывает Главнокомандующий Военно-Морским Флотом. Надо сказать, что руководство столь высокого уровня нечасто удостаивает своим вниманием подобную аудиторию. А тут в кои-то веки сам главком соизволил встретиться со слушателями и выступить перед ними с лекцией.

Не прошло и месяца, как Олег переступил порог этого учебного заведения. Для офицера отметка об окончании академии в личном деле сулит определённые бонусы и благотворно сказывается на дальнейшем его продвижении по служебной лестнице. Во всяком случае, при рассмотрении кандидатов на вышестоящую должность академия за плечами – явный козырь. Недаром ромбик – нагрудный значок, выдаваемый выпускнику после окончания учебного заведения, называют поплавком. Потому, как неплохо наверх вытягивает. Не на самый, конечно – для этого его обладателю нужно и другими качествами обладать, не будем уточнять, какими, но утонуть не даст – это точно.

Иногда слышишь избитую фразу—плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Наверное, это можно по праву отнести к слушательской аудитории академии, заменив сухопутные звания на морские. И если не ко всей, то к определённой, значительной её части – вне всякого сомнения.

Но не секрет, что немало офицеров поступает сюда, повинувшись исключительно желанию расстаться со своим прежним местом службы. Ибо если ты ответственный и исполнительный офицер и к тому же хороший специалист —шансы распрощаться с наскучившей тебе должностью, которую ты давно перерос, прямо скажем, невелики. И ты годами можешь исполнять приевшиеся тебе обязанности, ожидая милости от начальства в виде подписания рапорта на твоё перемещение. В лучшем случае, можешь рассчитывать на это только в пределах своей части. Хорошо, если она, эта часть, расположена не в отдалённом гарнизоне, а в одной из столиц или, на худой конец, в крупном областном центре. А если вокруг одни лишь пустынные сопки да унылые бараки?

А вот с недотёпой и забулдыгой всё гораздо проще —никто тебя особо держать не станет. Поэтому, если тебе нестерпимо хочется расстаться с обрыдлыми должностными обязанностями и с видом из окна твоего служебного жилья на санпропускник в зону радиационной безопасности, где красуются подводные ракетноносцы, у тебя есть выбор —или регулярно опаздывать на утреннее построение, спустя рукава относиться к служебным обязанностям, прикинувшись, как выражаются на флоте, шлангом, а в довершении ко всему —хорошенько запить, или добиться от начальства подписания рапорта о направлении тебя на учёбу в академию. Можно, конечно, и на курсы, но только лишь академия освобождает тебя от необходимости возвращения на прежнее место службы.

Первый путь хоть и немудрён и сравнительно короток, но чреват чувствительными дисциплинарными взысканиями и, вдобавок, материальными и репутационными потерями. А если ты к тому же коммунист или комсомолец со стажем – а надо заметить, что беспартийных в вооружённых силах не любят и хода им в не дают —то и травлей по партийной части. Да и сам конечный пункт прибытия при следовании этим путём не всегда тот, к которому стремишься.

Второй путь менее травматичен, но долог и тернист. Далеко не каждый командир подписывает твой рапорт с первого раза, всякий раз без труда находя благовидный предлог, чтобы

задержать тебя ещё на годик другой в своём распоряжении. И здесь бесполезно апеллировать к кадровику о плановом перемещении, на которое ты, согласно приказу министра обороны, имеешь полное право после пяти лет пребывания в любом отдалённом гарнизоне. Но уж если тебе повезло с начальством, а способности к обучению ещё не утрачены – путь в академию как раз для тебя.

И вот они, и разных мест и разными путями попавшие в это славное заведение, ещё недавно приводные ремни и надёжная основа работоспособности могучего военного механизма, а ныне — усердно вгрызающиеся в гранит военной науки школяры, сидят в актовом зале и слушают главкома. Высокий и статный адмирал, в облике которого угадываются довольно редко встречающиеся ныне среди нынешних военачальников следы дворянской породы, излагает им, будущему флота, своё видение их места в его структуре и стоящих перед ними задач.

– Согласно статистике, всего лишь пять процентов из всех выпускников военных училищ проходят обучение в академии. Здесь собран цвет нашего флота, я бы сказал, его сливки.

Сидящие в зале проникаются ощущением собственной значимости. По лицам чувствуется, что осознание своей сопричастности к флотской элите преисполняет многих гордостью. Некоторые невольно приосаниваются. Умеет же ветеран подобрать нужные, проникновенные слова и вдохновить подчинённых на рвение и доблестный ратный труд, пусть даже пока за партой.

Но не всеми услышанное воспринимаются столь однозначно. Острый, а зачастую критично настроенный ум некоторых индивидов пылливо ищет в нём скрытый подтекст или неведомый даже автору смысл произнесённых слов. И находит же!

Олег слышит, как его соседи, будущие военные экономисты, перешёптываются между собой, обсуждая последнюю фразу главкома. Олег еще не знаком с ними, но по манере ведения их приватной беседы и по коротким репликам ему кажется, что с ними следует познакомиться поближе.

– К тебе, Андрей Петрович, как лучше теперь обращаться – сливка или сливок? – спрашивает Валерий Эдуардович у своего приятеля.

В обществе называть друг друга по имени и отчеству у многих уже давно вошло в привычку, но иногда, в приватной беседе, хочется уйти от официального тона. И использовать для этого ёмкий, лаконично звучащий термин, только что предложенный главкомом, им представляется весьма соблазнительным.

Завязывается спор, сопровождаемый сдавленным смехом. Соседи начинают шикать на приятелей, призывая их к порядку. Через некоторое время вновь воцаряется тишина, нарушаемая лишь доносящегося из динамиков голосом адмирала. Его скатившаяся на монотонное повествование речь постепенно приводит Кондратьева в состояние, схожее с анабиотическим. Он ловит себя на крамольной мысли, что о знакомо ему рутинному прослушиванию политинформации или инструктажа по технике безопасности. Олег чувствует, что постепенно становится настоящим слушателем академии.

– Наша служба благородна, но необходима, — продолжает между тем главком неожиданно громким голосом. Видимо, он решает раскрасить свою речь проверенным методическим приемом, дабы пробудить ускользающее внимание аудитории. Соседи Олега, так и не пришедшие к единому мнению относительно сливок, недоумённо переглядываются. Их приглушённый смех – реакция на последний пассаж главкома – отвлекает его от плавно текущих мыслей. Он механически воспроизводит в памяти только что прозвучавшие слова, и до него доходит их довольно парадоксальный смысл.

Что характерно, живо реагируют на эту оговорку главкома только его соседи. Большинство же в аудитории воспринимает её, как должное. Хорошо бы потеснее пообщаться с этими господами, с ним вряд ли соскучишься, резюмирует Кондратьев, глядя на них. Время подтверждает его предположение.

МАМАША ШИРШОВ

– Мужуки, – обратился к коллегам Александр Ширшов, заходя в класс, – Ваша мама пришла, молочка принесла. Разбирайте новогодние подарки своим семьям.

«Мужуки» было одним из его любимых слов, с которым он обращался к своим сослуживцам. Другими яркими представителями его словесного арсенала были «чумадан» – так он называл служебный чемоданчик, в котором слушатели академии держал секретные тетради и учебники, и «куркулятор» – электронно-вычислительный прибор. Впрочем, у каждого из здесь сидящих были свои филологические находки и откровения. Из них самым безобидным были «транвай» и «кардонка» из репертуара шефа, старшего группы. Иногда товарищи в шутку страшали друг друга, используя другой его «перл»:

– Скоро нам всем наступит лямбда.

Так старший называл букву греческого алфавита «лямбду». При этом было трудно определить, искренне ли он заблуждался относительно корректности их произношения, или это было нарочитой формой проявления своей индивидуальности.

Ширшов поставил свой объёмистый портфель на стол и стал доставать оттуда свёртки с деликатесами – здесь были балыки лосося, палки твердокопчёной колбасы, банки с тресковой печенью и прочая аппетитная снедь. Товарищи с удивлением наблюдали, как на свет появляется это богатство, наполняя помещение дурманящим ароматом копчёностей и создавая атмосферу праздника.

В свободной продаже подобные продукты были большой редкостью. Олегу было хорошо известно по прежней работе, что в трудовых коллективах они распределялись по линии профсоюзов через широко распространённую систему заказов, характерную для времен развитого социализма. Список дефицитных продуктов неуклонно рос по мере его развития. Заказы обычно появлялись в канун государственных праздничных дней, и ввиду ограниченного их количества доставались счастливым в порядке жребия.

На слушателей академии подобная система распределения товаров повышенного спроса не распространялась. Профсоюза у них не было по определению – создавать организацию для защиты интересов служивых людей от государственного произвола было бы, по меньшей мере, странным. Впрочем, если попытаться поглубже вникнуть в суть вопроса, было бы нетрудно прийти к вполне логичному умозаключению, что само наличие профсоюзов в условиях самого гуманного в мире строя с его централизованным планированием и отсутствием класса эксплуататоров выглядело бредовой затеей.

Накануне, по пути домой, внимание Ширшова привлекла вывеска «Отдел заказов» на дверях одного из подвальных помещений дома, расположенного недалеко от нашей академии. Из любопытства он заглянул туда и разговорился с хозяйкой помещения. Чем он смог её очаровать – одному богу известно. Хотя надо заметить, что его открытая улыбка, бесхитрое выражение лица и ямочка на подбородке подкупали любого собеседника, особенно если этот собеседник был женского пола. Вероятно, в силу сказанного, а, может быть, в порыве внезапно проснувшейся щедрости, иногда помимо воли посещающей даже самого закоренелого скрягу, эта дама прониклась участием к этому симпатичному увальню и предложила порадовать его семью дефицитным продуктовым набором.

– И чем же ты, всё-таки, её обольстил, – донимали его одноклассники, глядя на это изобилие. Их терзало нескрываемое любопытство, и они состязались в выдвигании разнообразных, в том числе и не самых невинных, гипотез.

– Да ничем особенным, просто пообщались. Я поинтересовался, как бы мне купить для семьи эти вот штуки, которые у неё на прилавке. Она и согласилась. Ну, назвал эту тётеньку дедушкой. А что тут такого? – он сконфуженно улыбнулся.

Далее, с его слов, события развивались примерно так. Увидев перед собой пакет с продуктами, Ширшов потерял его в руках и замялся в нерешительности.

– Вы знаете, у меня семья большая. Семеро нас. Со мной вместе. – Он улыбнулся своей лучезарной улыбкой. Дама с уважением посмотрела на офицера и полезла за вторым набором.

– Вы не совсем правильно меня поняли, девушка. Таких как я семеро будет. И все люди семейные.

– Ну, что с вами делать, – покачала головой дама. Но, видимо, отступить ей уже было некуда. Как сложились их отношения в дальнейшем, нам неизвестно, но он ещё не однажды радовал товарищей этими вкусными, как говорят подводники, доп-пайками. В таких случаях они между собой уважительно называли его «мамашей». Странно, что при этом никто не вспоминал про козлят.

* * *

Ширшов жил в общежитии в Песочном, и его соседом по квартире был преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Станислав Панин. Он читал лекции по истории партии в потоке факультета, и в группе, в которой учился Кондратьев, вёл практические занятия. Хотя, на взгляд Олега, термин «практические» применительно к этой дисциплине звучал довольно нелепо.

Как выразился в отношении Панина их старший товарищ, характеризуя педагогов академии (по традиции новобранцы накрывали стол своим предшественникам, а те щедро делились секретами оптимального прохождения обучения) – это человек с глазами профессионального сумасшедшего. Глаза у него и действительно сверкали каким-то странным блеском. Служению идеалам марксизма он был предан беззаветно, и основные положения своей дисциплины доносил до аудитории проникновенно и без тени сомнения в голосе. Правда, со слов Ширшова, в быту он был вполне адекватным обстоятельствам и вменяемым человеком.

На занятиях одноклассники частенько подтрунивали над товарищем.

– Что-то Панин к тебе равнодушен. Никогда не поднимет, каверзный вопрос не задаст. Ширшов мялся, немного краснел и сконфуженно улыбался.

– Собаки вы лесные. Нам и так общения хватает. Ну что нового я ему скажу? Перед экзаменом наш шеф взял Ширшова в плотное кольцо осады и не давал ему спуска. Надо сказать, что, если шеф чего-то сильно хотел, он непременно этого добивался. И кольцо поэтому мог легко организовать даже в одиночку.

– Александр, вся надежда на тебя. Поговори ты с Паниным по-свойски, – заходил в очередной раз шеф в атаку на нашего товарища.

Организовать определённую схему сдачи экзамена всегда считалось главной задачей старшего группы. Схем было несколько – крапление билетов, «черепашка» – кража лишнего билета со стола во время экзамена для идущего, ожидающего за дверью, использование «бомб» – заготовок ответов на стандартных листах, и что-то ещё в таком же духе. Для организации какой-либо схемы существовали другие схемы, предполагающие, в частности, проникновение на кафедру накануне экзамена, подбор ключа от сейфа, в котором хранились экзаменационные материалы и разные прочие хитрости. Олегу приходилось слышать, что иногда даже в графин вместо воды наливалась жидкость иного рода. Но это применялось только в отношении известных своими привычками экзаменаторов.

Реализация схем была нелёгкой задачей, требующей определённой выдумки. Затея далеко не всегда заканчивалась удачей. Иногда схем вообще не существовало. Но в данном случае задача несколько упрощалась. Нужно было только найти правильный подход к «соседу».

Ширшов оказался в довольно щепетильной ситуации. Отыскание лёгких путей даже для себя обычно не входило в его правила. Но здесь интересы коллектива возобладали, и он смирил гордыню. Понимая, что Панин будет искать способ сделать ему поблажку, он заявил Стасу –

а общались они накоротке, – что, если тот не пойдёт навстречу группе, он будет сдавать экзамен на общих основаниях. И что так заведено в их семье.

Это был удар ниже пояса. При всей своей принципиальности – а Панин был стойким марксистом – с Ширшовым у него сложились отношения иного рода, далёкого от стереотипа «начальник-подчинённый», и снижать оценку соседу ему было как-то неловко. Тем более что в их общей квартире на Песочной надвигался ремонт.

Как часто в жизни человек предстаёт перед выбором. Терзаниям в поисках компромиссов не подвержены только фанатики. Но здесь был не тот случай, хотя близкий к нему. В итоге было всё же найдено решение, устраивающее обе стороны. Панин согласился не тасовать билеты, а разложить их на столе в строгом порядке, начиная с первого. При этом он старался сохранить лицо, делая вид, что содержание билетов не станет достоянием экзаменуемых.

Экзамен был выдержан успешно. Так история партии дополнилась малоизвестной историей одной её маленькой ячейки – все слушатели академии в силу известных обстоятельств были людьми партийными. Беспартийных туда попросту не принимали. Шеф от лица группы вынес благодарность «мамаше Ширшову» за очередную материнскую заботу.

* * *

Группа завершала зимнюю практику, проходившую на одном из полигонов ВМФ под Ригой. Утренним автобусом офицеры прибыли из Лиепайи в столицу Латвии, и город практически на весь день был предоставлен в их распоряжение – поезд в Ленинград отправлялся ближе к вечеру.

Экскурсия по Риге и знакомство с её достопримечательностями заняли несколько часов. Товарищи прошли по набережной Даугавы, прогулялись по улочкам старого города, немного послушали знаменитый орган, звуки которого доносились из-за дверей Домского собора (билеты на концерт купить не удалось).

Проголодавшись, решили заглянуть в какой-нибудь ресторанчик и поближе познакомиться с национальной кухней. Офицерская зарплата в то время иногда ещё позволяла подобную роскошь. Была суббота, и Рига была наведена горожанами и толпами приезжих.

Побродив по улочкам старого города в поисках какого-нибудь пристойного места, друзья остановили свой выбор на скромном кафе, у дверей которого стояла довольно приличная, но вполне сносная по меркам того времени очередь. Ситуация довольно типичная. Это сейчас некоторые возмущаются долгим ожиданием официанта. Тогда оно в расчёт просто не бралось – львиную долю времени обслуживания страждущих занимало наслаждение свежим воздухом у дверей заведения. Заняв очередь, они стали дожидаться своего часа.

Строгая, не лишённая определённого шарма военно-морская форма, будучи ещё сравнительно недавно предметом гордости и уважительного отношения окружающих к её обладателям, рельефно выделяла их на фоне окружающей среды. Нельзя сказать, что это обстоятельство здесь как-то согревало их и придавало привычную уверенность. Напротив, они слегка ёжились от холодных взглядов проходивших мимо рижан, некоторые из которых демонстративно отворачивались в сторону. Шёл 1988 год, и в странах Балтии настроение среди коренного населения приобретало всё более ярко выраженную сепаратистскую направленность.

Ширшов привычно переминался с ноги на ногу и поглядывал по сторонам. Что-что, а умение стоять в очередях – это неотъемлемый атрибут, составная часть нашего национального достояния. А для человека военного, по определению привычного к тяготам и лишениям и закалённого солидным стажем несения караульной службы, это умение и вовсе доведено до совершенства. Изобретательность – обратная сторона этого качества.

Вынужденный простой у нашего брата стимулирует его ум искать себе более достойное занятие, нежели поверхностный анализ попадающих в поле зрения предметов окружающего пространства. Стараясь освободиться от чреды ассоциаций и безудержного потока цепляю-

щихся друг за друга бесконтрольных мыслей, он абстрагируется от внешней среды и инстинктивно переключает сознание в состояние, которые восточные практики называют созерцанием. При этом мозг не отвлекается на мелочи и сосредотачивается на главном, пытаясь проникнуть в его суть. Может быть поэтому из среды военных вышло немало рационализаторов и изобретателей. Олег не раз убеждался в этом, работая в стенах одного из институтов министерства обороны.

По всей видимости, схожее состояние овладело сейчас Ширшовым. Он рассеянно реагировал на реплики товарищей, невнятно отвечал на их каверзные вопросы. Друзья любили иногда, от нечего делать, подтрунивать над своим добродушным приятелем. Он невозмутимо вглядывался куда-то и что-то замышляя. В какой-то момент он оставил коллег и ненадолго исчез. Вскоре его фуражка мелькнула невдалеке. Он подошёл поближе к товарищам и махнул рукой.

– Мужуки, идём. Я обо всём договорился.

Ширшов подвёл группу к дверям какого-то небольшого, неприметного с виду здания. Никаких вывесок или иных признаков, мало-мальски указывающих на его принадлежность, не наблюдалось. У дверей висела какая-то невзрачная чеканка, выполненная в национальном стиле. Но и она мало о чём говорила. Ширшов постучал в дверь. Она открылась, но не сразу. На пороге появился почтенного вида пожилой швейцар в бордовой ливрее. Он услужливо кивнул.

– Господа офицеры, прошу вас.

«Господа» слегка сконфузились и прошли внутрь. Это обращение было непривычным и несколько резало им слух. Швейцар провёл их по ступенькам, ведущим в полуподвальное помещение. Там располагался гардероб. Они разделись и поднялись наверх, прошли в небольшое, похожее на фойе, помещение. И здесь их охватила лёгкая оторопь. Интерьер небольшого зала украшала мебель из красного дерева, кресла обтягивал бархат, окна были драпированы фактурными портьерами. На стенах, в массивных бронзовых рамах висели картины, их гармонично дополняла тяжёлая хрустальная люстра. Олег видел, как его товарищи старались не подавать вида, но скрыть охватившее их недоумение и любопытство им не удавалось.

– Ширшов, куда ты нас привёл, в музей или в театр? – приглушённым голосом, чуть ли не заговорщически, поинтересовался Пётр Зюзликов, всматриваясь в одну из картин.

– Чайник ты, Петя, – улыбнувшись, ответил Ширшов. – Крышечку поправь. Это ресторан Совета министров республики.

Его слова ещё больше шокировали коллег. Это был действительно служебный ресторан и, как выяснилось позже, в выходной день он мог позволить себе обслужить посторонних посетителей. Но пускали сюда не каждого.

Метрдотель в смокинге, белой рубашке с чёрной бабочкой повёл гостей в уютный зал, где было сервировано несколько солидных столов, за которыми сидела немногочисленная публика. Он предложил им карту блюд и сообщил, что если они собираются заказать что-нибудь из спиртного, то на одного гостя существует ограничение – не более ста граммов любого напитка. В ту пору в Советском Союзе была развёрнута компания по борьбе с пьянством, и соблюдение порядков строго контролировалось даже в этом заведении.

– Но, если господа офицеры не захотят ограничивать себя, мы оформим это отдельным заказом, – продолжил метрдотель и подозвал официанта. Он сказал ему что-то по-латышски, и тот кивнул с пониманием.

«Господа» переглянулись. Ничего подобного никто из них не ожидал. Уважение к офицерской касте ещё ютилось в сознании некоторых оставшихся здесь представителей ушедшего в прошлое сословного общества. Ушедшего, по меркам советского союза, не столь уж давно.

Надев шинели и с трудом застёгивая их на животе, друзья были преисполнены благодушия и всем своим видом наглядно иллюстрировали фразу «Жизнь удалась». Цены здесь их тоже приятно порадовали. Петя не унимался.

– Санечка, как ты нашёл это место и договорился, чтобы нас пропустили?

– Я вижу – в эту дверь время от времени заходят прилично одетые люди, и сытые и вальяжные выходят обратно. Ну и подумал – здесь не иначе, как кормят. Решил проверить. Подхожу, а из-за дверей такой запах, я вам скажу! Вы моё чутьё знаете. Стучу – появляется этот дяденька, – он кивнул на метрдотеля. – Я представился и спросил у него разрешения покормить свою семью. Он хоть с виду и строгий, но мне не отказал.

То, что на флоте экипаж – семья, дяденька понял сразу, увидев рядом с Ширшовым ещё пятерых офицеров. Ну, а кто в ней мамаша, он, пожалуй, тоже догадался.

«БОГЕВЕ ПОЧЕРУ» ИЛИ РУЧКИ НА ВЫРУЧКУ

– Товарищи офицеры, разрешите познакомиться с вашими конспектами, – обратился старший группы к своим коллегам.

Группа слушателей академии сидела в классе и занимались подготовкой к сдаче экзамена по марксистско-ленинской философии и политэкономии. До недавнего времени читаемые отдельно, эти предметы, как шампунь и кондиционер, теперь были слиты в один флакон некой синтетической дисциплины. Кафедра, преподающая их, тоже имела такое же длинное название.

Обращение Коношенкова прозвучало несколько странно для слуха коллег. Формально шеф был для них строевым начальником, но он никогда не прибегал к административному стилю управления и выступал, главным образом, в качестве посредника между подгруппниками и вышестоящим командованием академии. И вот – на тебе, предъявите конспекты.

Коллеги протянули ему свои тетради. Он бегло полистал их и вернул своим владельцам. Никаких комментариев не последовало. Все недоумевали. На перекуре он подошёл к Кондратьеву с Зюзликовым и, оглянувшись по сторонам, с заговорщическим видом сделал им довольно неожиданное предложение.

– Хочу вас привлечь в испытательную партию.

Товарищи переглянулись.

– Что ты имеешь в виду? – уточнил Олег.

Шеф вытащил из внутреннего кармана тужурки пару шестигранных ручек и протянул их ему. Олег взглянул на неё – ручка как ручка.

– Ты на свету внимательно её рассмотри.

Тот снова повертел ручку в руках и вдруг обнаружил, что при определённом положении на её бликующей грани начинали чётко проступать мелкие, нацарапанные иглой слова. Каждая грань содержала, как минимум, две, а то и три строчки, причём текст изобилдовал сокращениями и аббревиатурой.

– На каждой такой ручке изложен один экзаменационный вопрос, – пояснил шеф, вытаскивая из кармана ещё горсть аналогичных шестигранников.

Искусство и смекалка автора творения впечатляли.

– Прекрасно. А мы тут при чём?

– У вас почерк разборчивый.

Подготовка к экзамену по общественным наукам требовала выделения существенного ресурса – как временного, так и интеллектуального. И ладно, если бы он тратился только на изучение философского блока – сам по себе, он был любопытен и расширял наш кругозор. Но вот другой источник, другая составная часть марксизма, политэкономия, в последнее время подвергся жёсткой ревизии и радикальному пересмотру.

Затеянная Горбачёвым перестройка экономического уклада страны велась с открытого листа, буквально на ощупь. Пленумы ЦК КПСС едва успевали закрепить новые экономические принципы хозяйствования в своих решениях, как буквально тут же альтернативная экономическая школа брала верх в борьбе за влияние на генсека, и линия партии приобретала новый излом. Поэтому трата ресурса на изучение этой столь зыбкой и нестабильной дисциплины представлялась неоправданной, расточительной роскошью. И направлять его следовало в иное русло. Куда именно – в этом проблемы не было.

Профильная кафедра Олега, готовящая выпускников по основной своей специальности, славилась обилием наукоёмких, насыщенных математикой дисциплин, изучающих физические поля корабля. Теоретические основы этих самых полей были тесно связаны с основными положениями фундаментальных законов природы, и слушатели по праву гордились тем, что

у истоков их специальности стояли маститые учёные и даже академики. Поэтому посвятить лишний час для отработки навыков написания тройного интеграла в сферических координатах и усвоения его физического смысла каждому слушателю кафедры было более чем разумно.

И вот теперь, глядя на эти ручки, товарищи оценивали открывающийся перед ними возможности, позволяющие сберечь серое вещество от загрузки в него громоздкого, перманентно устаревающего идеологического аппарата, а заодно и сэкономить время.

Олега впечатлило зрелище – его идея была простой, и потому гениальной. В глубине души он даже сетовал на то, что не догадался об этом сам – настолько всё буквально лежало на поверхности. На поверхности ручек, которые он ежедневно вертел в руках, не подозревая о кроющихся в их гранях возможностях.

Шефу комплект этих уникальных изделий прикладного искусства достался от наших предшественников по курсу. При более детальном рассмотрении содержащегося на этих пластмассовых скрижалях марксистского наследия подтвердилось предположение, что, как и обычно, его необходимо было творчески развить и доработать. Философская часть, в отличие от экономической, этого особо не требовала, но, поскольку состав вопросов также претерпел изменение, весь комплект ручек нуждался в обновлении.

Как показывал опыт предшественников, изготовление комплекта ручек было довольно трудоёмким и кропотливым занятием. Один «гравёр» на его изготовление мог затратить весь ресурс, отведённый на подготовку к экзамену. Это лишало работу смысла. Да и распределить этот весьма плотно упакованный, но всё же довольно громоздкий комплект знания тоже было проще среди нескольких участников. А, поскольку в аудитории обычно присутствовало не более четырёх экзаменуемых, и при этом один из них занимал внимание комиссии ответом по билету, шеф решил «сообразить» это дело на троих.

За пару дней до экзамена троица закупила авторучки в нужном количестве и приступили к освоению навыков «игло-царапии». Через некоторое время Олег уже довольно разборчиво заполнял каждую грань ручки тремя строками текста, не прибегая к заумной аббревиатуре. Хотя наиболее часто встречающиеся слова и словосочетания, типа «перестройка» и «ускорение социально-экономического развития», он заменял на П и УСЭР, соответственно. Полное название стран соцлагеря заменили сокращения Бо Ге Ве и По Че Ру, которые писались слитно, в два слова. Также поступали и его товарищи.

Ручки, или дружки, как их стали называть приятели, раскладывались в специально изготовленные газыри, пришитые к внутренней поверхности тужурки. Обмен пластиковыми шаргалками должен был, по их задумке, происходить в порядке невинной помощи товарищу путём передачи ему ручки – паста в стержне могла закончиться в любой момент, и это не должно было вызвать подозрений. При этом запрос на передачу сопровождался демонстрацией комбинации пальцев, обозначающей её номер. Перечень вопросов с номерами содержал отдельный карандаш, предписывающий, «где искать дружка», или ГИД. Гид имелся у каждого из совладельцев пакета.

Отработка взаимодействия по передачи носителей знания проходила за день до экзамена и напоминала сцену из известной кинокомедии «Операция Ы» – «Билет номер восемь, при нём задача». Проговаривание номера билета облегчало ориентацию в газырях.

Главный риск схемы заключался в непредвиденной замене формы одежды на экзамене. Об этом командование сообщало утром, в день экзамена, и решение принималась в зависимости от погоды – в случае жаркой погоды тужурки отменялись. Остаться в одних рубашках было бы катастрофой. Но шеф и здесь нашёл выход. Он приказал на экзамен под тужурки надеть рубашки без погон. Не иметь знаков различия на форме было нонсенсом, поэтому без тужурок остаться никому не грозило.

Это распоряжение шефа в очередной раз вызвало недоумение у коллег, не входящих в испытательную партию и не посвящённых в их затею, но шеф пояснил, что он неважно себя

чувствует и боится окончательно слечь. И что всю ответственность он берёт на себя. С виду он был совершенно здоров, и полностью развеять недоумение ему так и не удалось.

Настал день экзамена. Отягощённая пластиковым знанием тройка вытащила билеты и заняла места за соседними столами. После небольшой суеты поделщики благополучно обменялись ручками и приступили к подготовке ответов. Через несколько минут Олег почувствовал недоуменный взгляд шефа. Глаза его, и так не отличающиеся своей миниатюрностью, теперь, казалось бы, и вовсе вылезали из орбит. Он вертел в руках переданную Олегом ручку и отрицательно покачивал головой. Похоже, он получил «гранату не той системы».

Олег снова полез в карман и проверил свой арсенал. Недоставало ручки с требуемым номером – в счёте он, похоже, не ошибся. Но что-то было не так. И тут он понял суть ошибки. Нужно было воспользоваться газырём с другой стороны тужурки!

Олег прошёлся левой рукой по правильной шеренге, отсчитал нужную ручку и замер в нерешительности. Повторно передавать её товарищу было бы подозрительным. Он положил ручку на стол и, как бы невзначай, смахнул её на пол. И – вот же неудача – она зацепилась за незаметный выступ на краю стола и, утратив импульс, упала посередине широкого прохода между столами.

На звук падения откликнулся кто-то из членов комиссии. Он повернулся, сделал шаг в сторону ручки, нагнулся и поднял её. Повертел в руках.

– Чья это?

Повисла небольшая пауза. В голосе преподавателя, казалось, слышался оттенок подозрительности.

– Моя, – наконец выдал из себя шеф, понимая, что терять ему нечего. – Стартовое волнение.

– Да вы не волнуйтесь, вы же всё знаете, – педагог улыбнулся и протянул ему шпаргалку. Шеф перевёл дух. – Кто-нибудь готов отвечать?

Олег поднял руку.

В конце ответа на вопросы билета один из экзаменаторов вдруг задал Кондратьеву неожиданный вопрос.

– Вы правильно охарактеризовали принципы нашей внешнеэкономической политики. А не могли бы вы перечислить страны, входящие в состав СЭВ?

В состав Совета Экономической Взаимопомощи входят Болгария, ГДР, ... – Олег без запинки перечислил всех участников, мысленно расшифровывая ставшую уже привычной комбинацию.

– У меня больше нет вопросов, – он повернулся к членам экзаменационной комиссии.

Апробация схемы прошла успешно, но дальнейшего применения в практике сдачи экзаменов она не получила. Серьёзные науки доверять мягкому, обманчивому пластику ручек не хотелось, да и отношение к ним было нешуточным – от их усвоения зависело будущее.

Словосочетание «богеве почеру» с тех пор на некоторое время устойчиво вошло в лексикон приятелей, напоминая об этом забавном случае. Как знать, может быть и по сей день оно бы перекочёвывало с одного комплекта шпаргалок на другой, не случись всего того, что произошло со всеми нами чуть позже.

КУРЯТНИК

В академии развёрнута борьба с курением. Обычно для перекуров в просторном здании академии используются площадки между широкими лестничными пролётами, каждая из которых своей вместительностью может легко посоперничать с иной аудиторией. В перерывах между занятиями здесь довольно вольготно чувствуют себя не менее двух десятков воздыхателей аромата табачного тления, и при этом на площадке останется ещё достаточно места для использования лестницы по прямому назначению.

В последнее время здесь особенно оживлённо. Место это как нельзя лучше подходит для обсуждения последних событий, происходящих в стране в ходе перестройки, и горячий обмен мнениями прекрасно заполняет паузу между сигаретными затяжками.

Автор идеи оздоровления атмосферы в помещениях академии остаётся неизвестным. По мнению многих, затронутых новшеством, это весьма осмотрительно с его стороны. Потому как форма реализации этой идеи крайне антигуманна.

Во дворе академии, на достаточном удалении от главного входа в здание, сооружается крытый деревянный помост размером с половину волейбольной площадки. Ветераны утверждают, что в прежние времена именно это спортивное сооружение здесь и располагалось, собирая в свободные от занятий часы любителей этой игры. Рядом, под сенью тополей, выстраивалась многочисленная армия болельщиков — этот вид спорта, наряду с футболом, пользовался тогда большой популярностью. Наслаждаясь действиями игроков, подтрунивая над неудачниками и давая всем ценные советы — большинство не играющих считало себя настоящими знатоками волейбола — зрители с удовольствием затягивались сигаретой. Может быть, в этом и прослеживается преемственность в выборе места для нового культового сооружения.

В среде любителей табака возведённая конструкция с лёгкой руки одного острослова нарекается «курятником». Сбитый из обрезной доски пол, жёрдочки по периметру площадки, обозначающие перила, да и вся концепция строения, в целом, вызывают именно эту ассоциацию. А вот некурящие пренебрежительно называют её резервацией для бледнолицых — в их среде бытует широко распространённое заблуждение, что цвет лица у курильщиков не отличается повышенной румянностью. Они почему-то не принимают в расчёт тот факт, что те теперь проводят больше времени на открытом воздухе — «курятник» тому немало способствует.

Но есть во всём этом и некий скрытый смысл. По наивному замыслу инициатора нововведения, одобренного командованием академии, неудобство осуществления перекура, особенно в зимнее время, должно с неизбежностью привести к сокращению количества выкуренных сигарет и тем самым благотворно скажется на здоровье военнослужащих. Ага, сейчас!

На деле же в новых обстоятельствах курильщики начинают прибегать к всевозможным уловкам. В летнее время это проявляется не столь активно, но с наступлением осени поиск альтернатив «курятнику» становится заметнее.

Первыми осваиваются площадки у подъездов. Сюда и идти ближе, да и стоять теплей, нежели чем на открытом пространстве. Некоторым припоминаются школьные годы, когда с сигаретой в руке, этим символом мужественности и независимости, они щеголяли, в местах, недоступных для большинства учителей — в туалетах. Исключение, как правило, составляли физруки и трудовики, но постоянное вылавливание нарушителей в туалетах по просьбе женского персонала школы им претило. И вот это забытое чувство кажущейся защищённости снова толкает постаревших школяров искать убежище для удовлетворения своих потребностей в этих облицованных кафелем интимных пространствах.

Делается это на первых порах довольно робко — процесс стартует с периферии, и в нём участвуют наиболее заядлые курильщики-профессионалы, для которых походы в курятник и обратно занимает если и не львиную, то весьма приличную долю рабочего времени. Их реак-

ция на открывающуюся в туалет дверь поначалу отдалённо напоминает поведение застигнутого врасплох ученика. Сигарета невольно прячется за спину. Но постепенно робость уходит, процесс легализуется, и в него вовлекаются уже и любители, выкуривающие какую-то жалкую треть пачки в день. Движение набирает силу, ширится и захватывает новые плацдармы.

С наступлением холодов запах табачного дыма уже начинает ощущаться в туалетах, непосредственно примыкающих к коридорам власти. И даже меры административного характера не способны сдержать напор испытывающих никотиновое голодание масс.

Слушатели, наиболее законопослушная и дисциплинарно уязвимая категория личного состава академии, тоже не остаётся в стороне от этого процесса.

Как-то в один из перерывов между занятиями Олег со своим приятелем заходят в туалетную комнату и застают там своего одноклассника Колю Абрамова, с недавнего времени Колика, смачно затягивающегося папиросой. Прежде при появлении посторонних нарушитель порядка немного конфузился, а некоторые даже выбрасывали бычок в унитаз – дежурной службе было вменено в обязанность следить за выполнением установленного регламента. Реакция Колика довольно неожиданная. Стоя спиной и выпуская облако дыма, он вальяжно поворачивается к вошедшим, и при этом ни один мускул на его лице не приводится в тонус. Видя, что товарищи вовсе не собираются разделить его компанию, он искренне возмущается.

– Вы что здесь собираетесь делать? Идите во двор, вам для этого там будку сколотили!

Олег воспринимает это циничное заявление, как провозвестник окончательной победы стихийного движения над непродуманным использованием административного ресурса.

Весной, не простояв и одного сезона, «курятник» исчезает, оставляя на память о себе скрытую клумбу и стойкий, характерный запаха сигаретных «бычков». Земля вокруг плотно пропитана пеплом и остатками несгоревшего табака.

Лестничные площадки оборудуются урнами, и они вновь превращаются в забытое на время в место традиционного обсуждения последних политических новостей и планов на выходные.

Непобедимый у нас всё-таки народ.

Владивосток, без десяти 2000

Ночную тишину нарушил гул запущенных турбин. Лайнер слегка дрогнул, преодолевая загадочное сопротивление трения покоя, нехотя тронулся с места и медленно покатил по бетонному полю аэродрома, направляясь в сторону взлётной полосы.

Олегу с товарищами предстоял девятичасовой беспосадочный перелёт во Владивосток в компании почти полутора сотен офицеров тихоокеанского флота, большинство из которых успешно прошли вступительные экзамены в академию и возвращались домой, в расположение своих частей. Теперь поступившим надлежало в недельный срок сдать дела и обязанности, упаковать свои чемоданы и убыть к новому месту службы. Да-да, именно службы. Ибо обучение для офицера – что сон для солдата. Он учится, а служба идёт. Некоторые офицеры умудряются «за партой» провести чуть ли не треть срока своей службы. Прикиньте сами – пять лет в училище, потом два, а то и все три в академии, ну и прочие разные курсы. Так что пропорция, примерно, та же.

Через неделю этим же бортом большинство из здесь сидящих снова возвращалось в Ленинград.

Для Олега это было уже второе посещение Дальнего Востока на борту служебного лайнера. По заведённой традиции командование Тихоокеанского флота каждый год выделяло служебный самолёт для перевозки будущих слушателей академии, существенно упрощая им решение транспортных проблем.

Прошлым летом Олег случайно узнал об этой практике из разговора со своим знакомым, преподавателем с авиационного факультета. Тот занимался составлением полётных ведомостей, и на спонтанно возникший у Олега вопрос о возможности оказаться в числе пассажиров он ответил утвердительно.

– Сам понимаешь, пропуск на борт – через гастронам, – пояснил он и кивнул на окно. Денежный эквивалент благодарности в офицерской среде никогда не котировался.

В ходе этого разговора Олегу вдруг вспомнился недавний телефонный разговор с однокашником, который, вернувшись после обучения в академии на своё прежнее место службы на Тихоокеанский флот, приглашал его посетить дальневосточный край России.

– У меня здесь всё схвачено, – уверял его Сергей. – служебный катер, акваланги. Рыбалка и охота обеспечены. А природа какая! Не пожалеешь!

В его искренности Олег совершенно не сомневался. Мало кто после обучения в академии согласится вернуться на обратно, на флот, да ещё и с понижением в должности. Многие рассматривают академический диплом как трамплин для карьерного роста или способ найти более тёплое место службы вдали от моря, по соседству с благами цивилизации. В случае с его однокашником было не совсем так. В нём билась наивная и редкая жилка человека, болеющего за своё дело. Нужно было ещё многое наладить и поправить там, откуда он уехал, не оставляя всё на самотёк. Ну и, конечно, он прирос душой к этим краям, и нередко рассказывал о них своим однокашникам.

Олег благодарил его за приглашение, произносил какие-то, приличествующие ситуации, слова, улыбался и кивал в трубку, словно тот мог видеть его реакцию, но всерьёз этот разговор как-то не воспринимал. И вдруг – такая оказия. Через пару дней Кондратьев уже значился в полётных списках.

Посёлок Тимофеевка, где проходил службу его приятель, находился в нескольких сотнях километров от Владика, как местные называют Владивосток, и туда Олег с женой – а она присоединилась к нему несколько позже, прилетев во Владивосток обычным рейсом – добирались пассажирским теплоходом с романтическим названием «Любовь Орлова».

Само путешествие и своеобразная, резко отличающаяся от привычной европейской дальневосточная природа произвели на него неизгладимое впечатление, и на следующий год Олег решил повторить этот опыт.

В этот раз формат поездки изменился – жена не испытывала энтузиазм по поводу довольно утомительного перелёта с несколькими промежуточными посадками, да и бизнес, в который она стремительно окунулась с головой, безраздельно завладел ею и не допускал утраты контроля за ним даже на короткие периоды времени.

Зато Виталий, соратник по адьюнктуре и добрый приятель Кондратьева, с большим воодушевлением откликнулся на это предложение. Ключевым для него было пресловутое разнообразие тамошней морской фауны. С недавнего времени он пристрастился к подводному плаванию и даже слегка изменил форму усов. Так меньше подтекала маска. Виталий со свойственной ему обстоятельностью принялся составить подробную программу визита.

Третьим к их компании примкнул Володя, друг детства Олега, когда-то сосед по лестничной площадке. Также, как и он, флотский офицер, в ту пору сотрудник одного из военных институтов. У каждого из приятелей Кондратьева на Дальнем Востоке служили друзья, и скучать там никто не собирался.

В полётные списки друзья попали известным способом. Находчивость и изобретательность русского человека не знает границ. Олег думал, что если бы число желающих воспользоваться такой возможностью превысило количество посадочных мест в самолёте, а здоровье формирующего списки позволило бы ему освоить объём причитающихся за свою услугу благодарностей, то для решения задачи был бы выбит, как минимум, ещё один борт.

Самолёт оторвался от земли и стал набирать высоту. На табло загорелись привычные надписи: «Не курить» и «Пристегнуть ремни», но на них мало кто обращал внимание. Впрочем, если запах дыма сигарет явно и не ощущался, то количество вольно прогуливающихся по салону пассажиров, находящихся в различной степени трезвости, едва ли не превышало число сидящих в креслах.

Стюардесс, обслуживающих пассажиров и следящих за порядком, штатное расписание экипажа не предусматривало, и распитие веселящих напитков счастливыхчиков, отмечающих своё поступление в академию, никем не пресекалось. А если вспомнить, что досмотр вещей при посадке на борт не производился, а к самолёту и вовсе подвезли на автобусах, укомплектованных согласно спискам ещё у стен академии, то происходящее было вполне объяснимым. Правда, и здесь не обошлось без накладок, свойственных гражданской авиации. Перед посадкой в самолёт них несколько раз возили из «Пулково-2» в «Пулково-1» и обратно, пытаясь наилучшим образом организовать их допуск и погрузку в лайнер. В итоге этой «хорошо продуманной» организации они оказались на борту часа через четыре после прибытия в аэропорт.

Товарищам отмечать было особо нечего, хотя возможность таковая и имелась. Каждый из них, согласно уговору, вёз с собой что-то из спиртного – на всякий случай. Приходить в гости с пустыми руками было не принято. Рассчитывать на покупку алкогольного напитка на месте не приходилось – горбачёвская борьба с зелёным змием это практически исключала. Приезжим талоны на спиртное не выдавали.

Приближалась полночь. Олег расположился в своём кресле в позе, максимально благоприятствующей погружению в сон. Обстановка гомона и веселья, царящая в салоне, временами перекрывала своим шумом рокот турбин и мало способствовала расслаблению. Его товарищей эти мелочи, похоже, совершенно не беспокоили, и через какое-то время они уже пребывали в царствии Морфея. Он вертелся в кресле и завидовал их способности абстрагироваться и совершенно не реагировать на внешние раздражители.

Напрасно считают, что это качество ценно только для профессии пожарника – в море тоже важно уметь использовать буквально каждую минуту для короткого сна в промежутках между вахтами и тревогами. Какие тревоги в мирное время – спросит непосвящённый.

О службе на кораблях Олег судить не мог, но и там была своя специфика. И днём там, скорее всего, и без тревог не поспишь. На лодке же тревога объявлялась каждую ночь, уже через пару часов после отбоя. Делалось это для всплытия на сеанс связи. Почему так – одному богу известно. Скорее всего, в дневное время подвсплытие было чревато обнаружением лодки из космоса. Весь экипаж разбежался по своим боевым постам и неустанно бдел. Через час звучал отбой, а ещё через два вестовой тряс тебя за ногу – пора вставать для заступления в очередную смену. И какой тут сон? В общем, были у него тогда с этим проблемы. Вот и сейчас, сидя в кресле, он ворочался и тщетно пытался заснуть. Произошло это уже ближе к концу полёта.

Утро встретило их лёгким содроганием фюзеляжа, вызванным касанием шасси взлётно-посадочной полосы. Ставших уже привычными аплодисментов и сообщения командира о посадке и температуре воздуха в пункте прилёта не последовало. Публика вяло потягивалась на сиденьях и протирала глаза.

Дождавшись остановки самолёта и подачи трапа, товарищи сошли на бетонную полосу. Здесь их никто не встречал, и нужно было куда-то идти, повинувшись внутреннему чутью. Судя по отсутствию поблизости привычного здания аэровокзала, грузовых терминалов и иных атрибутов гражданского аэропорта, это территория принадлежала министерству обороны. И действительно, неподалёку Олег разглядел ангары и прочие строения, имеющие характерную защитную окраску.

Предоставленные самим себе, товарищи выбрали наиболее многочисленную группу своих попутчиков и двинулись за ней. Местные непременно должны были куда-нибудь их вывести.

Вскоре они поравнялись с группой сгрудившихся серых кирпичных построек. Проходя мимо одного из строений, по наличию газона и клумбы рядом с входом похожего административное, они, словно по команде, остановились и замерли в некотором замешательстве. Вслед за секундной паузой раздался их дружный гомерический смех.

Посреди клумбы возвышалась статуя вождя пролетарской революции. То, что это именно он, почувствовалось по лысоватой голове и бородке, а также по характерной позе статуи – вытянутой руке, указывающей на что-то светлое и справедливое. В остальном схожесть образа с оригиналом, известным всем по многочисленным статуям, портретам и плакатам, была исчезающе мала. Фигура Ильича, кряжистая и приземистая, несмотря на решительность позы, вызывала ощущение подавленности гнётом тяжких сомнений, вероятно, в правильности выбранного пути. Разрез глаз на лице имел явно выраженный азиатский прищур и лёгкую раскосость. В довершение всего, статуя была выкрашена в неожиданный, небесно-голубой цвет.

В совокупности всех этих признаков невольно просматривалось желание автора творения придать статуе вождя антропологическую и профессиональную идентичность месту её установки.

Олегу и раньше приходилось слышать, что, согласно установке партийного руководства, при изготовлении портретов и статуй вождя в различных уголках нашей необъятной и многонациональной родины допускалось и даже приветствовалось придавать облику Ленина характерные черты, свойственные представителям той или иной этнической группы, проживающей на данной территории. Не исключено, что именно это послужило отправной точкой развития популизма, глубоко укоренившегося ныне. Он вспомнил, что видел в каком-то журнале подборку соответствующих фотографий. Но столь откровенный образчик скульптурной мимики предстал его глазам впервые.

Итак, с антропологией было всё более менее понятно. Но вот с цветом? Впрочем, авиация у них всегда устойчиво ассоциируется с небом.

Потрясённое этим неожиданным зрелищем, сознание товарищей окончательно пробудилось ото сна. Они подхватили выпавшие из рук сумки и с утроенной энергией устремились

к показавшимся недалеко воротам. То, что это был выход с территории аэродрома, чувствовалось по оживлённому автомобильному движению, угадывающемуся за ними.

Сами ворота были выкрашены в тот же цвет, что и статуя вождя. Это наводило на мысль о том, что выбор цвета для памятника диктовался не столько замыслом скульптора или местной администрации, сколько проблемой материально-технического снабжения авиагородка в части обеспечения его лакокрасочными материалами.

Миновав проходную, располагавшуюся рядом с воротами, они оказались в посёлке Артём.

* * *

Владивосток встретил них уныло моросящим дождём. Для августа такая погода была не типична – сезон тайфунов здесь обычно начинался в сентябре.

Доехав до автовокзала, товарищи отыскиали на схеме городского транспорта маршрут, ведущий к месту нашего предполагаемого обиталища. Сев на автобус, они поехали через город, по дороге огибая бухту «Золотой рог» и провожая пытливым взглядом проплывающие за окном городские пейзажи.

Вдохновлённые неординарным образом вождя, друзья были готовы к новым неожиданностям. И они не заставили себя ждать. В какой-то момент его взор выудил из мелькающих за окном видов табличку с названием «Улица 50 лет ВЛКСМ». Олег перевёл взгляд на схему маршрута и обнаружил, что эта улица брала начало от «Улицы 40 лет ВЛКСМ», которая после довольно крутого поворота переходила в улицу 60 лет всё той же организации. Пробежав глазами по карте, Олег констатировал для себя, что пятилетние интервалы здесь были не в чести, да и хронология юбилеев не сильно дружила и последовательностью улиц. Олег поделился своим наблюдением с Виталием.

– А комсомольского тупика у них тут не значится? – поинтересовался он с улыбкой.

– Тупик, скорее, подходит к названию состояния, в котором пребывает моя логика.

Слева, по ходу нашего движения, текла речка, именуемая «рекой Объяснения». Олегу пришло в голову, что для отыскания причинно-следственной связи в местной топонимике следовало, наверное, отвесть её воды.

Вскоре они достигли в места назначения. Оно находилось в северной части города, на берегу Уссурийского залива. Адрес частной гостиницы, в которой планировалось остановиться, Виталию дал его приятель, клятвенно заверявший его в наличии свободных мест в любое время года. Ну и демократичностью прейскуранта.

К их удивлению по указанному адресу стоял многоэтажный жилой дом, и никаких отдельных строений, имеющих литеру при аналогичном номере и претендующих на роль отеля или на что-то похожее, поблизости не наблюдалось. Недоуменно пожав плечами, Виталий предложил нам обследовать здание и попытаться отыскать в его недрах хоть какой-то намёк на казённое жильё.

И действительно, в одном из подъездов они наткнулись на скромную табличку с надписью: «У Васильевны. Милости просим». Табличка висела на двери обычной квартиры. Больше на ней ничего не значилось.

Виталий нажал кнопку звонка. Дверь открылась, и на пороге появилась хозяйка – дородная миловидная дама средних лет.

Взгляд Виталия, до этого момента не выражавший ничего, кроме откровенного желания скорее добраться до койки, обрёл осмысленность. Глаза его заблестели.

– Могу ли я поинтересоваться, – начал он вкрадчивым, обволакивающим тоном, – Не найдётся ли у вас уголка для трёх усталых путников.

На его лице заиграла лукавая улыбка.

Васильевна улыбнулась в ответ и пригласила их войти. В прихожей их взору предстала стандартная квартира с тремя отдельными комнатами. Она указала на одну из них, вакантную на данный момент.

– Дело в том, что у меня все комнаты с двумя кроватями. Если вас устроит, я могу поставить здесь дополнительное кресло-кровать.

Виталий бегло осмотрел помещение, проверил наличие и габариты места общественного пользования и, пошевелив усами, удовлетворённо произнёс:

– Я думаю, нас здесь всё устроит. Давайте, я помогу вам принести кресло.

По его лицу скользнула всё та же интригующая улыбка, с которой он вошёл сюда.

Через минуту комната, экипированная недостающим спальным местом, распахнула нам свои объёты.

– Только у меня к вам просьба – соблюдать порядок и ночной режим, сами понимаете. А то у меня тут морячок один проживает – появляется здесь нерегулярно в позднее время, соседям спать мешает.

– Да вы не беспокойтесь, народ мы дисциплинированный и покладистый. заверил её Виталий. – Порядок гарантируем. – Он бросив беглый взгляд на правую руку хозяйки.

С жильём проблема успешно разрешилась, и оставался только вопрос с распределением спальных мест. Володя предложил кинуть традиционный жребий «на морского», но Виталий неожиданно возразил.

– Вот что, братцы. Вы занимайте кровати, а я – человек неприхотливый. Буду мять это кресло.

Раз старший сказал – нужно подчиниться. Виталий по возрасту был лишь ненамного старше своих приятелей. Как человек опытный и искушённый во многих житейских вопросах, он с всегда лёгкостью взваливал на себя бремя лидерства и успешно с ним справлялся. Иногда довольно удобно полагаться на чей-то обоснованный выбор и соглашаться с предложением, не ущемляющем твои интересы. Как в данный момент. Да и, в целом, Виталий не отличался мелочностью и был щедр душой.

Они присели на выбранные места и стали обсуждать план дальнейших действий. За окном неожиданно быстро стемнело – сказывалась разница в часовых поясах, поэтому день для них оказался почти на треть короче. Прийти к единому мнению они так и не успели. Собственно, и обсуждения, как такового, не состоялось. Единственное, против чего никто не стал возражать, было естественное желание начать визит знакомством с городом.

Олег заметил, как его спина непроизвольно стала медленно съезжать по стене, пока в конце концов не коснулась кровати. Он почувствовал, что в этом положении и рассуждалось как-то легче, и возражать совершенно не хотелось. Краем глаза он видел, что похожее происходило и с его товарищами. Поэтому неудивительно, что буквально через пять минут разговоры затихли сами по себе, и комната наполнилась дружным храпом. Практическое отсутствие сна в предыдущую ночь сделало своё дело.

* * *

Первый полноценный день пребывания в городе ушёл у них на беглый осмотр Владивостока и его основных достопримечательностей, расположенных, как и ожидалось, в его центральной части. Погода, столь негостеприимно обошедшаяся с нами в день приезда, одумалась, и уже вплоть до их отлёта в её адрес не было сказано ни одного худого слова.

Первое, что бросилось им в глаза, когда они вышли из автобуса в центре города, была ленинская цитата, красующаяся на фасаде главпочтамта. Она была призвана встречать каждого, прибывшего сюда морем или по железной дороге, и гласила: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький...». Подпись вождя была зачёркнута мелом, и снизу той же шаловливой рукой была сделана приписка «китайцы». Васильевна в разговоре с ними упоминала, что в последнее время край стал интенсивно наводняться выходцами из этой страны.

– Для них этот город вовсе не далёкий, – резонно заметил Виталий и добавил крепкое слово.

Парадокс заключался в том, что в нём прежде особо не замечалась ксенофобия. И здесь, гуляя по городу, он частенько с интересом оборачивался вслед девушкам с ярко выраженной восточной внешностью. При этом его лицо выражало отнюдь не раздражение. Но это не мешало ему отпускать, довольно колкие реплики в адрес мужской половины представителей этой древней восточной цивилизации. Похоже, в нём просыпалась дремлющая, скрываемая ранее озбоченность судьбами этого края. Надо же, удивлялся Олег, государственный растёт. Ему бы в депутаты.

Между тем топонимика, отмеченная ими ещё накануне, продолжала радовать их взгляд и слух. При изучении городской схемой внимание товарищей привлекли неожиданные названия, такие как парк «Минный городок» и сопка «Холодильник». Посещать их они как-то не отважились.

Пройдённые за день километры по пересечённой, довольно холмистой местности, на которой раскинулся город, приятно утомили их, а городские виды и рекламой на зданиях своим стилем и содержанием, порадовали своей ещё не успевшей стереться из памяти «совковостью». Западные веяния сюда проникали крайне медленно, и заходили с востока, неся свой колорит.

– Братцы, не знаю, как вы, но мои задние конечности настойчиво просят меня перевести их в горизонтальное положение, – посетовал Виталий. – Предлагаю к Васильевне.

Возражать никто не стал. Утомлённые за день друзья приняли это признание за чистую монету, не обратив внимание на нечто большее, скрывающееся за этим.

Через час товарищи были дома. В мысленном журнале Олега итог дня был охарактеризован лаконичной записью «Город осмотрен, замечаний нет». Он слышал байку, что подобным образом, оценил какой-то генерал посещение Эрмитажа, оставив соответствующую запись в книге отзывов. Сюда эта фраза тоже походила, и товарищи с этим согласились.

– Так-то оно так, но у меня имеется одно замечание. Хочется как-то культурно завершить этот славный денёк. – Виталий многозначительно взглянул на товарищей. – Пойду-ка, выясню у хозяйки, нет ли у неё гитары.

Товарищи понимающе переглянулись – повод для общения не самый плохой, хотя и бесперспективный. Откуда здесь гитара? Но, как ни странно, она нашлась. Васильевна тоже оказалась охотливой до песен и весьма компанейской дамой, и не отказалась от приглашения.

Взяв гитару, Володя живо вошёл в образ. Закатив глаза, под перебор струн тенором затянул свой любимый романс «Не уходи, побудь со мною». Виталий заплотировал, Васильевна улыбнулась. Гитара перешла к Олегу. Тот, повертев её в руках, и взяв пару аккордов, вернул её обратно. Он почувствовал, что его любимый англоязычный репертуар прозвучит диссонансом и снизит градус романтики. Тем более, что Виталий уже усиленно ёрзал на стуле. Казалось, эта поза стесняла его и мешала, как петуху, веером расправить свой хвост. По части гитары он владел тремя с половиной аккордами, но полагал это вполне достаточным для исполнения большинства любимых им песен. В сущности, он был прав.

Он взял гитару, и тут же комната превратилась в поле, по которому «грохотали танки», а последовавшее вслед за этим напоминание хозяйке о раннем времени суток распевом «Ой не вечер, да не вечер» – та уже порывалась, было, уйти – окончательно расположило её к Виталию.

Ну вот, похоже, все замечания сняты – подумал Олег, глядя на удовлетворённый вид приятеля. По завершении культурной программы Виталий живо вскочил со своего кресла, дабы сопроводить Васильевну домой. Жила она где-то по соседству, но он не смел отказать себе в галантности проводить её.

Дождаться Виталия друзья обратно не стали.

На следующий день получение друзьями запланированного удовольствия от посещения города и прилегающих к нему территорий происходило по разным сценариям. Володя накануне созвонился со своим приятелем из Техаса – так иронично именовался моряками посёлок Тихоокеанский, в котором находилась база подводников, и уехал к нему в гости. Олег с Виталием решили отправиться на остров Русский.

Незадолго до вступительных экзаменов сессии Олегу позвонил Сергей с Дальнего Востока и попросил оказать содействие его знакомому в поступлении в академию. Олег редко отказывал в просьбах – исключение составляли случаи, когда они противоречили его убеждениям или требовали чрезмерных, превосходящих его возможности усилий. Вопрос был несложным, и Олег даже не был уверен, что именно благодаря его помощи тому удалось пройти барьер вступительных экзамены. Парень оказался толковым, и требовалась больше страховка, нежели помощь. Но иногда даже моральная поддержка оказывается решающей.

По удачному стечению обстоятельств Николай – так звали его подопечного – служил под Владивостоком, и он, узнав, что Олег летит туда, оставил ему свой служебный телефон. Его часть располагалась на острове Русском и, вспомнив о приглашении, Олег связался с ним и попросил о содействии в организации досуга. Тем более, что остров этот Виталий стремился непременно посетить.

– Обязательно приезжайте, – ответил тот. – Всё организуем, ни о чём не пожалеете.

Перед посадкой на катер пограничник тщательно проверил документы, убедился в наличии упоминания «о. Русский» в соответствующей графе отпускных и пропустил их на борт. Что-то, а возможность офицеру беспрепятственно проследовать практически в любой пограничный город или гарнизон Советского Союза была приятным, хотя и не столь существенным утешением за те ограничения, которые накладывала на него служба.

На острове у причала их встречал флотский уазик. Товарищей провезли мимо рavelинов полуразрушенной Владивостокской крепости, мимо ограждённых колючей проволокой казарм дисциплинарного батальона, и вскоре они оказались на территории части, где служил его протеже.

Николай ждал в гостей штабе, расположенном на борту плавказармы. Он встретил их настоящим китайским чаем и извинился за нехватку времени – нужно было срочно заканчивать сдачу дел и готовиться к вылету в Ленинград. В порядке компенсации он выделил в распоряжение прибывших дюжего хлопца, которому поручил выполнять все их пожелания. Такая постановка задачи его, похоже, ничуть не смутила – он молча кивнул головой на указание начальства. Удивлённые такой постановкой вопроса, они невольно переглянулись – уж больно вид этого шуленького конопатого паренька не вязался в их представлении с образом всемогущего джина – кто знает, что могло оказаться у них на уме.

На проверку паренёк и в самом деле оказался готовым на многое – он был спецназовцем. Виталий тут же проникся к нему уважением и задал пару вопросов, после чего сформулировал перечень пожеланий, состоящий всего из одного, но довольно весомого пункта, именуемого «легководолазным снаряжением».

– А карта острова у вас имеется? – он повернулся к Николаю после того, как изложил суть просьбы пареньку и получил от него утвердительный ответ. Тот кивнул и вынул из стола несколько карт разного масштаба. Выбрав одну из них, Виталий углубился в её изучение.

– Нам бы вот сюда, – Он и ткнул пальцем. – Бухта Холуай, – прочёл он название и усмехнулся.

Как выяснилось позже, в переводе с китайского «Холуай» означал «Гиблое место». Дотошный Виталий впоследствии выискал это где-то в справочнике, пытаясь разложить по полочкам свои впечатления об этой поездке. Знай он об этом тогда, может быть, он сделал бы иной выбор. Так или иначе, план утвердили. Через полчаса уазик, загруженный

тремя комплектами легководолазного снаряжения, мчал их по грунтовке в направлении бухты со звучным названием.

Высадившись на берегу, они разложили на песке увесистую амуницию и стали примеряться к гидрокомбинезонам, особо не отличавшимся выбором размеров. В какой-то момент из сумки Виталия появилось подводное ружье. Он бережно ощупал пальцем остриё гарпуна, проверил резиновые жгуты натяжителя и провёл рукой по стволу. В его взгляде уже читалось предвкушение предстоящей охотой. Стало ясно, зачем он тащил с собой этот баул и почему так оживился, узнав о возможности заполучить в своё распоряжение водолазное снаряжение.

При виде ружья спецназовец слегка покачал головой и перевёл взгляд на поверхность воды. Задумавшись на какое-то мгновение, он предложил подождать с облачением в доспехи, пока он лично не убедится в том, что состояние акватории подходит для подводной прогулки. И, действительно, волнение моря и цвет воды не внушали оптимизма. Натянув ласты, нацепив маску и взвалив на плечи баллоны с воздухом он, пятась, зашёл в воду. Товарищи расположились на песке.

Минут через десять хлопец подплыл к берегу и, сняв маску, деловито резюмировал:

– Похоже, сегодня ничего не получится. Муссон взбаламутил воду в заливе, и видимость практически отсутствует. – Он опустил баллоны на песок и стал стягивать ласты.

Известие прозвучало обескураживающе. Особенно огорчился Виталий. Обуреваемый сомнениями, он надел маску и решил убедиться в этом сам. Смириться с крушением надежд и планов никак не хотелось. Не стал ли лукавить ли спецназовец, завидев ружьё? Ведь охота с аквалангом, мягко говоря, никогда не приветствовалась. Прихватив маску и зайдя в воду, он отплыл недалеко от берега, нырнул пару раз и вскоре вернулся назад. Выйдя на берег, он удручающе покачал головой. По всему было видно, что спецназовец не кривил душой.

– Ничего не видно далее вытянутой руки. Дело швах. Гиблое место. – Он сплюнул не то от досады, не то от желания избавиться от привкуса попавшей в рот солёной воды.

Ближайший катер на материк отходил через несколько часов, и возвращаться к причалу не имело смысла. Они решили остаться, в качестве утешения развлекая себя принятием солнечно-воздушных ванн. Благо, погода к этому располагала. Паренёк погрузил снаряжение в машину и, пожелав хорошего отдыха, сел за руль уазика. Виталий грустно ухмыльнулся, глядя на клубы пыли, оставляемые машиной.

– Хлопец-то справный. Ну ничего, не повезло с картами, может повезёт в другом, – примирительно заметил он, видимо, вспомнив про карты острова.

Куда уж дальше с этим то везением, подумал Олег.

Через пару часов пребывание без дела стало утомительным. Собственно, вовсе не для этого они оставили под крылом добрых семь тысяч вёрст. Не став дожидаться уазика и сориентировавшись по солнцу, они выдвинулись в направлении портопункта. План дорог острова мысленно был у них перед глазами.

Их путь лежал в гору. Виталий с увесистой сумкой на плечах бодро шагал впереди. Периодически он останавливался, раскуривал свою трубку и снова двигался в гору. Олег вспомнил, что в эту ночь он явился в номер только под утро. Видимо, заботливая хозяйка предоставила ему более комфортное место для ночлега, и он не преминул этим воспользоваться. И теперь, глядя на его спину и вдыхая запах дыма, Олег восхищался скрытыми ресурсами этого с виду неспортивного, с зарождающимся брюшком, товарища.

Вскоре позади послышался шум мотора. Они оглянулись. У подножья сопки на дороге показалась открытая бортовая машина с сидящими в ней пассажирами. На их жест грузовик остановился. К счастью, он следовала в нужное нам место, и они залезли в кузов. Виталий почему-то отказался присесть, и остаток пути он провёл, стоя у кабины и всматриваясь в окружающую обстановку. Видимо, потерпев неудачу с подводной охотой, он ждал от судьбы нового подвоха и теперь опасался проехать место высадки.

Катер подошёл к пристани по расписанию. Виталий с неохотой проследовал за мной внутрь салона – стоять на мостике не разрешалось. На переходе он беспокойно ёрзал на сиденье и поглядывал в иллюминатор.

– Как, говоришь, фамилия этого Николая? – вдруг поинтересовался он.

Уж не огорчился ли его товарищ из-за того, что тот отправил них к этому Холуаю, думал Олег, оценивая, уместно ли отвечать на этот странный вопрос.

– Что-то она у меня из головы вылетела. Какая-то она у него необычная, плохо запоминающаяся.

По странному стечению обстоятельств фамилия Николая совпадала с прежним названием этого острова, присвоенным ему ещё в прошлом веке в честь первого губернатора Приморья адмирала Казакевича. Словно читая мои мысли, Виталий тут же пояснил, что при сдаче экзаменов по профилю его кафедры ему будет предоставлен режим наибольшего благоприятствования. Олег успокоился и тут же вспомнил «забытую» фамилию.

К вечеру они вернулись в гостиницу. Володя ещё не объявился, что было понятным. Дорога в «Техас» была не близкой. Они поужинали, и Олег поинтересовался планами на вечер. Словно опомнившись, Виталий хлопнул себя по лбу и сообщил, что он обещал хозяйке сменить лампу и проверить электропроводку.

– Не забудь о предохранителях, – напутствовал Олег его. Тот ухмыльнулся в ответ. Виталий ничего и никогда не забывал.

Эту ночь Олег провёл в одиночестве.

* * *

Утро следующего дня выдалось непривычно тихим, слегка нарушаемым мерным посапыванием Виталия. Когда и почему он вернулся – для него оставалось загадкой, но было в этом и лёгкое утешение – оплаченное койко-место не должно было бездарно простаивать. А вот Володина кровать все ещё пустовала.

Где-то к обеду они решили обследовать берег бухты Тихой, находящийся неподалёку от гостиницы. Захватив с собой маску и подводное ружье с надеждой хоть как-то оправдать его доставку на этот край света, они спустились к урезу воды. Кроме них на пляже практически никого не было. Да и погода для купания была не самая подходящая – дул свежий ветерок, и вода оказалась неожиданно прохладной.

Виталий разделся, облачился в маску и мужественно зашёл в воду. Отплыв на десяток метров, он стал методично прочёсывать прибрежную полосу параллельными галсами в надежде подцепить что-нибудь достойное на острие своего гарпуна. В какой-то момент что-то привлекло его внимание. Он покрутился на месте, вздохнул поглубже и, сверкнув пятками, исчез под водой. Вынырнув, он как-то неуклюже, по-чапаевски, погрёб к берегу. Не выходя из воды, он оглянулся по сторонам и проделал какие-то странные манипуляции. Только после этого он вышел на берег.

Когда он подошёл ближе, Олег заметил, что его плавки странным образом топорщились. Что бы это могло означать, подумал он. Словно в ответ на это Виталий, ещё раз оглянувшись, вытащил оттуда приличного размера сплюснутую раковину круглой формы. Гребешок – догадался Олег. Теперь всё стало ясно. Ловля этих моллюсков считалась браконьерством и строго каралась.

Дома них ждал вернувшийся из поездки товарищ. Взгляд его излучал удовлетворение и приятную усталость. Вальяжно раскинувшись на койке и закатив глаза, он делился с приятелями своими впечатлениями. Его рассказ пестрел красочными описаниями не тронутой цивилизацией дальневосточной природы, и в воображении слушателей рисовались живописные бухты с хрустально-прозрачной водой, криком чаек и стаями серебристых рыб, которые их приятель наблюдал с борта яхты своего товарища. В поездке ему удалось отведать и осъ-

миногов, морских огурцов и прочих диковинных продуктов моря. Судя по всему, результаты его вылазки превзошли все его ожидания. И остальное теперь могло бы послужить приятным бонусом к уже полученному и испытанному.

На фоне этих впечатлений эмоции посетителей острова «Русский» выглядели крайне бледно, и упоминать о них не стоило. В какой-то момент у Олега даже закралось подозрение, что тот просто старается что-то приукрасить, выдать желаемое за действительное или скрыть постигшую его неудачу – так феерично выглядел его рассказ. А, может быть, за ширмой этого скрывалось какое-то романтическое, тайное приключение, до поры не подлежащее огласке. Но его загар красноречиво свидетельствовал об обратном.

Виталий завистливо поглядывал в сторону товарища и возился со своим уловом. Несмотря на все попытки раздвинуть створки раковины с помощью лезвия швейцарского ножа, сопровождаемые выразительными комментариями его обладателя, гребешок никак не поддавался.

– Без лимона тут не обойтись, – прокомментировал его тщетные усилия Олег.

Он вспомнил, как ходе своего прошлогодний визита в Тимофеевку он вместе с одноклассником выходили на лодке залив, и товарищ, облачившись в водолазное снаряжение, за четверть часа добыл целый мешок этих моллюсков. Вскрывать их тогда помогал ему именно сок лимона.

– Для гребешка лимон – что для кота валерьянка, – продолжил он с серьёзным видом, видя недоумённый взгляд Виталия – Почувяв его, они забывают обо всём на свете.

К этим словам приятель отнёсся ещё более скептически. Олег предложил ему пари, и тот опрометчиво принял его. Чтобы убедить товарища, Олегу пришлось отправиться за лимоном в соседний магазин – под рукой его не оказалась. Инициатива, как известно, наказуема.

Экзотический фрукт сделал своё дело. Валера пучил глаза – надо же, как просто! Через минуту солидная «таблетка» препарированного гребешка красовалась на блюде.

– Братцы, есть тут особо нечего, – глядя на плод своих трудов, констатировал наш товарищ. – А из нас троих этот белок сейчас необходим только мне.

Приятель согласился. Виталий выдавил остатки лимона на гребешок, поддел его вилкой, слегка макнул в соль, и со словами: «Ну, будьте здоровы, бояре», отправил его в рот вслед за рюмкой водки. По его лицу разлилось блаженство.

– Больше тебе не стоит употреблять, – произнёс Володя, с некоторой завистью глядя на него и отодвигая бутылку. – А то белок не усвоится.

Какой белок и где не усвоится – он уточнять не стал. Но, похоже, Виталий и сам об этом прекрасно догадывался. Оставшееся содержимое бутылки досталось друзьям в качестве утешения – товарищ снова оставлял них в одиночестве.

Спокойное и идиллическое завершение этого вечера было нарушено внезапно объявившимся в соседней комнате пресловутым морячком. Он был не один, и, судя по всему, не совсем трезвый. Сквозь стену стала доноситься приклатнённая музыка и оживлённый диалог, временами сопровождаемый раскатами вульгарного смеха.

Ближе к полуночи сквозь музыку стали прослушиваться странные возгласы и постукивания. Володя, немного уставший с дороги и рассчитывающий на достойное завершение удачно проведённого дня, стал терять терпение. Танцуют, что ли? Нашли время! Он вышел в коридор с целью утихомирить соседей и призвать их к порядку.

Через минуту он вернулся с выпученными глазами и плохо сдерживаемым смехом.

С его слов, на стук в соседнюю дверь никто не откликнулся. Она оказалась незапертой и отворилась от стука. В лучах лампы, озарившей комнату из коридора, его взгляду предстал клубок голых тел, который, как гигантский моллюск, вязко упал с кровати, и, словно краб, боком пополз под кровать, будто спасаясь от света. Володя на мгновение остолбенел от этого зрелища, а, придя в себя, осторожно прикрыл дверь. Вида моллюсков на эти дни для него

было достаточно. После его неожиданного визита шум за стенкой прекратился, и музыка тоже стихла.

– Какой, всё-таки, чудотворной силой обладает свет, – прокомментировал результат этой вылазки Олег.

* * *

На следующий день у них было запланировано посещение бани. Коля Ковригин, однокашник Виталия, распределившийся после выпуска из академии в местный ТехУпр (техническое управление флота), всячески рекомендовал им это заведение, утверждая, что в городе оно является наиболее значимым для военно-морского офицера. Они решили убедиться в этом лично, в сопровождении Ковригина.

Утром, выйдя из гостиницы, они уже привычным маршрутом направились на остановку автобуса. По дороге им на глаза попался мужичок, сидящий на ступенях гастронома и прикладывающийся к бутылке из тёмно-зелёного стекла. Они невольно замедлили шаг – неужели пиво! Этот напиток после бани был бы кстати.

– Мужик, где пивом разжился? – спросил у него Виталий.

– Какое пиво – сироп! – махнув рукой, с досадой ответил тот, делая ещё один глоток. Приятели оторопели – судя по плавному, тягучему перетеканию жидкости по стенкам бутылки это, действительно, был сироп.

На всякий случай они заглянули в магазин. Из напитков на его полках красовался только этот самый лимонный концентрат с сахаром, который мучимый похмельем мужик тоже принял за пиво. Это было второе значимое потрясение, полученное ими здесь. Первое было вызвано статуей Ильича. Оправившись от душившего их смеха от нелепости увиденного, они сели на автобус и поехали в условленное место.

Баня ничем особым их не впечатлила. Наверное, в доме у Ковригина были проблемы с горячим водоснабжением, коль скоро он уповал на её значимость. После посещения парной Николай завёл их в буфет, где продавалось пиво. Теперь всё встало на свои места. С пивом в городе было неважно, в чём они смогли убедиться утром. По этой причине в буфете было довольно оживлённо. Товарищи сошлись на том, что лучше насладиться этим напитком вдали от суеты. Ковригин пригласил их к себе домой.

По пути им попался магазин «Океан», в прежние времена славящийся изобилием морепродуктов. Предложение дополнить пиво чем-нибудь солёно-копчёным из ассортимента этого магазина всем представилось вполне уместным. Невероятно, но требуемого сорта рыбы в магазине не нашлось! Впрочем, народная мудрость и здесь пришла на помощь. Как быть на безрыбье? Лотки застеклённых прилавков буквально ломались под тяжестью гигантских лап и клешней краба-стригуна. Товарищи не удержались от искушения и попросили продавщицу взвесить им целый мешок этого деликатеса.

Ковригин снисходительно смотрел на них и тяжело вздыхал. Олегу даже показалось, что в его глазах промелькнула какая-то обречённость. Это выглядело несколько странным.

Придя домой, хозяин принялся за стряпню. Судя по всему, нынче он вёл холостой образ жизни. Слегка обдав дары моря кипятком, Коля выложил клешни на большое блюдо и выдал каждому ножницы для их препарирования. Судя по количеству и однотипности ножниц, складывалось впечатление, что этот инструмент, наряду с вилками и ножами, являлся здесь неотъемлемой частью столового гарнитура. Сам хозяин от закуски отказался, сославшись на отсутствие аппетита.

Пиво прекрасно сочеталось с мясом краба, но осилить больше одной лапы ни у кого не получилось. Друзья быстро насытились этой высококалорийной закуской и рассеянно слушали Колины рассказы о его новых «паранормальных» увлечениях. Виталий подметил, что склонность к эзотерике появилась у него ещё в период обучения в академии. В ту пору в прессе

появилось обилие публикаций о целителях, лозоходцах и экстрасенсах, не говоря уже об НЛЮ и прочих зелёных человечках. Поводом для разговора на эту тему послужил вопрос Виталия о расположении телевизионной антенны.

Со свойственной ему наблюдательностью и дотошностью, которые ничуть не притупили напряжённый ритм его здешнего образа жизни, он обратил внимание на то, что эта антенна находилась в довольно необычном месте. Она стояла на полу в углу комнаты, уставившись усами в стену. Это выглядело странным и не укладывалось в рамки привычных представлений об эффективности работы подобного рода устройств.

Коля пояснил, что это он определил с помощью экстрасенсорной технологии. В подтверждение сказанному он взял в руки два Г-образных отрезка медной проволоки и стал ходить с ними по комнате. Рядом с антенной рамки в его руках развернулись в противоположные стороны.

– А не проще ли это место определить с помощью самой антенны и телевизора? – резонно заметил Виталий.

Коля наморщил лоб и сказал, что этот метод его ещё ни разу не подводил. Он принялся пояснять его суть.

– Для определения места нахождения предмета или источника того или иного поля нужно сконцентрировать свои мысли на нём и следить за поведением рамок. Ну и обладать особой чувствительностью, которую, правда, можно со временем развить.

Повертев головой в поисках того, на чём можно было бы ещё продемонстрировать своё умение, он вдруг предложил замерить биополя присутствующих. Это показалось любопытным, и друзья поочередно предоставили свои помытые тела в его распоряжение. Носитель биополя сел на стул в конце коридора, а Николай медленно приближался к нему, нацелившись рамками. Максимальным поле оказалось у Володи.

С Виталием дело обстояло хуже всего. Ковригин пожал плечами – он всегда был уверен в незаурядных способностях своего однокашника. Для остальных этот результат был вполне очевиден. Свою энергию Виталий с берёг и не растрачивать на пустяки.

Ободрённый известием о своих скрытых потенциях, Володя взял орудия лозоходца и принялся проверять уровень телесигнала в комнате. В руках новичка рамки плясали и хаотично вращались. Через какое-то время ему удалось укротить их. Он, как его учили, выставил рамки концами вперёд и двинулся в направлении антенны. Рядом с ней они дрогнули и, нехотя, развернулись в стороны. Вдохновлённый результатом, он решил замерить поле Ковригина. Но куски проволоки в его руках оказались совершенно бесчувственными к своему хозяину.

Николай озадаченно потёр нос. Что-то шло не так.

– Ты, наверное, плохо обо мне думаешь, – предположил он, имея в виду концентрацию мыслей на объекте измерения.

– Да нет, – возразил Володя. – я к тебе вполне нормально отношусь.

Ковригин забрал рамки, вставил их в корпуса от шариковых ручек и протянул инструмент стажёру.

– Сосредоточься, – напутствовал он.

Володя кивнул и двинулся по коридору в сторону Ковригина. Рядом с боковой дверью они дружно развернулись в её сторону.

– Что там у тебя? – спросил Виталий, увлечённо наблюдающий за их опытами.

– Туалет, – пожал плечами Николай.

Мысли не обманешь – подумал Олег. Сказывалось влияние выпитого пива.

Провожая них, Коля вынес в коридор слегка облегчённый мешок с «крабовыми палочками».

– Оставь их у себя, братец, – попросил его Виталий. – У нас и холодильника то нет.

Ковригин озадаченно посмотрел на неожиданный трофей, вздохнул и отнёс его на кухню. Это добро во Владике не переводилось уже не первый год, и с непривычки каждый, вновь прибывший сюда, увлекался им. Вскоре увлечение сменялось равнодушием, а при излишне активном потреблении этот деликатес мог вызывать стойкое отвращение. Похоже, эта судьба не миновала и Николая.

* * *

Наступил последний день пребывания товарищей во Владивостоке. Стоило подумать о сувенирах или просо о вещах, полезных в хозяйстве. Близость к Японии и Корее определённым образом сказывалась на ассортименте товаров в местной торговой сети. Диковинная вещь и в условиях обострившегося дефицита была бы не лишней.

В свой предыдущий приезд Олег за вполне разумные деньги приобрёл в видеомагнитофон и музыкальный центр, что у них на «западе» – он уже привыкал к этому термину – сделать было проблематично. Со временем за сумму, эквивалентную потраченной тогда, можно было бы приобрести вполне приличный, хотя и не новый, автомобиль. Но тогда японская электроника высоко ценилась, и обладание ею было престижным.

В центральном универмаге внимание Виталия привлекла дрель производства Конаковского завода. Он, не задумываясь, купил её. Возможно, неосознанным импульсом к этому послужило то обстоятельство, что его супруга была родом из Конаково, и он этой покупкой пожелал хоть как-то смягчить бремя своей полигамии. Более того, ему удалось уговорить и Олега последовать его примеру. Володя, в ту пору человек далёкий от бытовых проблем, к их затее проявил равнодушие.

Дрель и в самом деле оказалась довольно качественным и надёжным инструментом, прослужившим гораздо дольше хвалёной японской электроники.

Рядом, в отделе бытовой техники, Олег с удивлением обнаружил на прилавке видеокассеты – вещь, которую дома можно было приобрести в комиссионке, и то недёшево. Здесь же цена подкупала своей доступностью. В нём проснулась предпринимательская жилка, и на все оставшиеся деньги он приобрёл несколько десятков этих высокотехнологичных изделий. Довольный неплохим вложением средств, он поставил точку в своей программе.

На следующее утро друзья с трудом растолкали Виталия, простились со своим временным прибежищем, и, махнув рукой Уссурийскому заливу – монету до него было не добросить, а идти не хотелось – направились к автобусной остановке. Погода, отстояв безоблачную вахту, снова начинала портиться. Накрапывал мелкий дождь. Владивосток с неохотой расставался с гостями.

Руки Олега оттягивали сумка с дрелью, которую он практически возвращал на малую родину, к месту её изготовления, и увесистая коробка с видеокассетами. Если бы Олег мог предположить, что через какую-нибудь пару месяцев этими кассетами будут буквально наводнены прилавки магазинов на «западе»! Разочарованный недалёковидностью, ему лишь осталось утешать себя мыслью, что его видеотека тоже нуждалась в пополнении.

Так и не востребованное подводное ружье Виталия, наконец, нашло своё утешение в обществе конаковской сестрицы, и теперь они, тесно прижавшись, делили пространство его баула. Крёстный отец этого неожиданного тандема, протирая заспанные глаза и затягиваясь сигаретой, шёл рядом.

Впереди лёгкой, танцующей походкой двигался загорелый и довольный жизнью Володя. Содержимое его заплечной сумки обременяли лишь пара футболок, зубная щётка и пара бутылок водки, так и не дождавшихся своего часа быть початыми. Олег до сих пор не могу понять, как они сумели избежать судьбы быть выпитыми тремя здоровыми мужчинами в обстановке, располагающей к приятному времяпровождению.

Приехав в Артём, они не сразу отыскивали голубые ворота со звёздами, ведущие на аэродром. Свернув наши документы со списками, караульный пропустил нас на поле. Уже знакомый нам силуэт Ленина на постаменте указывал нужное направление нашего движения. Он словно знал, где нас ожидает служебный борт.

Обратный перелёт прошёл как-то буднично и незаметно. В салоне самолёта никто не ликовал – по всему было видно, что проводы и расставания с друзьями у большинства наших попутчиков отняли немало сил. Виталий не выделялся особой бодростью на их фоне. Закрыв глаза, он безмятежно спал в позе, которую принял, едва коснувшись сиденья. Они с Володей снисходительно поглядывали на товарища и обменивались редкими фразами, вспоминая наиболее яркие события последних дней.

– Ну и как тебе Владик, в целом? – спросил его Олег тоном местного жителя, показавшего свой город новичку.

– Нашенский он, – ответил Володя.

Они рассмеялись. Олегу почему-то казалось, что отныне при этом слове у него перед глазами всякий раз будет вставать образ голубого Ильича, простирающего руку вперёд и произносящего ставшую крылатой фразу о городе, в котором он никогда не бывал.

Апельсец

Как он появился здесь, никто уже припомнить не мог. Яркий, с блестящей пористой кожурой, он лежал на столе одного из преподавателей и всем своим видом украшал казённое помещение кафедры, невольно будоража аппетит присутствующих. Но участи быть съеденным в первый же день своего появления он счастливо избежал, равно как и в несколько последующих дней. Через пару недель он утратил былой глянец, поблёк и ужасся в размерах, но уже воспринимался, как неотъемлемая часть интерьера, занимая привычное место в центре штабного стола.

Штабным называлась комбинация из трёх составленных вместе рабочих столов, образующих довольно обширное, удобное для разного рода занятий пространство. Оно идеально подходило для оперативной сервировки всем необходимым, собирая вокруг себя офицерский коллектив кафедры по поводу какого-либо события – будь то присвоение очередного воинского звания или день рождения. Более ответственные события было принято отмечать в помещении лаборатории, подальше от начальственных глаз, но оперативки, как правило, проходили здесь. Возможно, наш оранжевый приятель остался на штабном столе после одного из таких мероприятий.

Помимо организации на штабном столе скромного застолья или коллективного чаепития, здесь было удобно раскатывать учебные плакаты для внесения в них правок, или «поднимать» морские карты для проведения очередной командно-штабной игры. Для несведущих поясню – «подъём» карты вовсе не подразумевает её перемещение в пространстве, а означает её раскраску и нанесение на ней специальных знаков и текстовых пояснений. В таких случаях Апельсец – а так мы стали именовать своего приятеля, совмещая с названием этого фрукта постигшую его судьбу – прекрасно исполнял роль утяжелителя, придавливая собою один из углов бумажного полотна.

Делал он это без особого труда – процесс обезвоживания лишил его былой, идеально круглой формы, образовав на суховатом, выцветшем тельце несколько досадных пролежней. Иногда он пробовался на более ответственную роль – удержание своим весом целой стороны плаката, но справлялся с ней далеко не всегда. В таких случаях он с лёгким грохотом перекачивался по столу, вовлекаемый внутрь себя скручивающимся листом непокорного ватмана.

Если первое время его подспудно тревожили происходящие с ним перемены, то вскоре он смирился с неизбежным и даже стал испытывать некоторую гордость. Потому как мало кто из его соплеменников мог похвастаться таким поворотом судьбы – большинство из них традиционно послужило звеном в пищевой цепочке, а некоторые и вовсе оказались невостребованными и заканчивали свой недолгий век в затхлой утробе мусорного бака. А он всё ещё жив, и хоть не совсем здоров, но зато выполняет общественно полезную функцию. К тому же пребывает в окружении интеллигентной и прилично одетой публики – морская форма с каждым днём нравилась ему всё больше и больше.

Вот и сегодня он привычно прижимает край листа с расписанием учебных занятий на первый семестр, над которым усердно корпит Николай Николаевич. Работа по заполнению этой простыни – не самая благодарная. Надо и о себе не забыть, и по возможности удовлетворить пожелания коллег. Ибо неучтивость заполняющего тебе же боком и выйдет, когда очередь составления расписания перейдёт к кому-то из сослуживцев, обойдённых твоим вниманием.

Над плечом Николая Николаевича склоняется Александр Петрович.

– Николай Николаевич, – несколько протяжно, укоризненным тоном нарушает он тишину в помещении, до этого прерываемую только шуршанием бумаги и сопением заполняющего. – Уж если ты рисуешь мне третью подряд субботу в месяц, то изволь, пожалуйста,

отводить для этого только первую пару часов. Приехал с утра, отчитал – и свободен. А так ты мне весь день на части рвёшь.

Апельсец косится на Петровича своим единственным чёрным глазом. Подобный разговор он слышит сегодня уже не в первый раз.

– Об этом вы, Александр Петрович, с Виктором Язеповичем договаривайтесь. Ему тоже пораньше на дачу нужно уехать. У него в планах – уборка урожая, подрезка побегов – сами понимаете.

«Да, эти, пожалуй, между собой договорятся» – прикидывает рыжий. В чём в чём, а в определённых нюансах отношений некоторых педагогов он уже успел разобраться.

Александр Петрович, один из ветеранов кафедры, уже не первый год работает над докторской диссертацией. Докторскую пишет и Виктор Язепович, его младший коллега, с которым у Александра Петровича имеется ряд принципиальных разногласий. И не только по сути проблематики и по методологии исследования, но по ряду жизненных установок. И не совсем ясно, что же тут первично. На заседаниях кафедры они яростно оппонировали друг другу.

Александр Петрович прищуривается, взгляд его становится колючим и недобрым.

– Я думаю, Николай Николаевич, вы способны урегулировать вопрос самостоятельно.

Он недовольно возвращается на своё рабочее место, садится на стул и громко пододвигает его к столу, наполняя помещение кафедры неприятным скрипом. Николай Николаевич с раздражением откладывает карандаш в сторону. Уже всё почти срослось, а тут – на тебе, опять тасуй предметы и фамилии и складывай новый пазл. Хотя при любом раскладе найдутся недовольные. Он берёт резинку и начинает ползать по простыне, ворча под нос что-то неразборчивое.

Имей в виду, ветераны освобождены от составления расписания – наблюдая за хозяином стола, мысленно советует ему Апельсец, у которого уже затёк один бок, и ему давно хочется переменить позу. Похоже, что эта идея посещает и Николая Николаевича, и он, оставив неизменной сетку занятий, сворачивает простыню. Тем более, что с Александром Петровичем у них отношения тоже не из лучших.

В этот момент к нему поворачивается Вадим Борисович, всеми уважаемый профессор, создатель нашей кафедры.

– Николай Николаевич, если у вас есть проблемы, ставьте мне субботу, любое время.

Вадим Борисович известен своим великодушием. Но воспользоваться им претит Николаю Николаевичу. Зачем портить профессору выходной день?

– Вадим Борисович, не беспокойтесь, всё в порядке. Решим мы этот вопрос.

В помещение заходит Борис Васильевич, наш зам.

– Так, господа офицеры, никто не забыл? Сегодня чествуем нашего уважаемого Вадима Борисовича. Сбор в пятнадцать, в лаборатории. Будет командование факультета, однокашники и прочие гости. Прошу никого не опаздывать.

Вадим Борисович – это наше всё, как тут забыть! Апельсец чувствует, что ему самому ужасно хочется оказаться на этом мероприятии. К профессору он испытывает незнакомое доселе чувство. Если бы он был человеком, то он назвал бы его сыновними. Ему порой кажется, что когда он слышит мягкий звук шагов ветерана, первым появляющимся утром на кафедре, его косточки перестают ныть, и увядшие ткани снова наливают соком.

Ему припоминается, как на прошлой неделе Олег Николаевич, новоиспечённый доцент кафедры, тщетно пытался перехватить какую-то смешную сумму до полочки. Странные люди – ни у кого почему-то не нашлось такого пустяка. Обрывок диалога долетел до профессора.

– Сколько? – спросил он, повернувшись в сторону нуждающегося.

Прозвучала цифра. Вадим Борисович, повернувшись к сейфу, достал оттуда портмоне и вытащил из него требуемую сумму.

– Вадим Борисович, огромное вам спасибо.

– Как говорил Константин Станюкович, для хорошего человека дерьма не жалко, – улыбнулся профессор, протягивая купюры.

– Верну буквально через три дня.

– Да не волнуйтесь вы, всё нормально. Отдадите, когда будет удобно.

Во, человечиче – подумал тогда рыжий, пытаюсь изобразить улыбку умиления одной из неприметных складок своей кожи.

Борис Васильевич ещё раз обводит глазами подчинённых. Пользуясь тем, что Вадим Борисович вышел из помещения, он даёт последние указания.

– Олег, песню отрепетировали с Ольгой? Ну, за вас я не беспокоюсь. Всем быть готовым произнести тост.

Апельсец слышал из разговоров «кафедралов», что тот в какой-то момент вдруг утратил свойственный ему прежде интерес к алкогольным напиткам, и с тех пор на каждом банкете, который он с прежним усердием организовывал и возглавлял, обходился единственной рюмкой сухого вина. Это не мешало ему держать в тонусе коллектив, с завидной частотой произнося своё излюбленное «праздник продолжается» и назначая очередного тостующего.

А как же – во всём должен быть порядок. Ну разве могут эти доценты с кандидатами, будучи не на трибуне, проявить инициативу и сказать что-нибудь толковое? И не столь важно, что этот директивный стиль ведения застолья не каждому по вкусу. Апельсец ещё в первый же день, во время оперативки, почувствовал глухое недовольство этим окружающих всеми фибрами своих долек, тогда ещё упругих и налитых соком. Вот и сейчас он чувствует их лёгкое раздражение. Дескать, любой, здесь сидящий, может высказаться проникновенно и к месту, но сделать это желает не по команде, а сообразуясь с обстановкой и по зову души. Понять их можно – ощущение находиться не в своей тарелке ему знакомо не понаслышке, но на то она и служба военная, чтобы тяготы и лишения, а не произвол. Эх, мне бы сейчас с десятков мандаринов, я бы им быстро объяснил, кто здесь старший – увлекается своей мыслью Апельсец. Недаром же понятие «ранжировать» произошло от «Orange».

Но вот настает назначенное время, и все отправляются в лабораторию. Апельсец с сожалением провожает их взглядом и грустно вздыхает. Севшая на него муха в испуге взмывает вверх.

Через несколько часов на кафедре появляется Олег Николаевич. По нему видно, мероприятие прошло успешно, песня спета и нужные слова сказаны. Он открывает конспект и начинает перебирать слайды – завтра у него утренняя лекция, и надо успеть подготовиться и освежить в памяти её основные положения. Снова наступает тишина.

Дверь кафедры снова открывается, и на пороге появляется Юрий Чепелев, сотрудник учебного отдела академии. Будучи выпускником кафедры, он тоже принимал участие в застолье и, судя по всему, изрядно в этом преуспел. Нетвёрдой походкой он подходит к телефону, стоящему на штабном столе, и набирает номер. Судя по всему, звонит домой. Так и есть – из трубки доносится раздражённый голос его жены.

– Да буду я скоро, уже одеваюсь, – примирительным тоном заканчивает он диалог и кладёт трубку. Его взгляд медленно скользит по столу останавливается на нашем приятеле, лежащем рядом с телефоном. Апельсец нутром чувствует, что ничего хорошего этот взгляд ему не сулит. Его опасения оправдываются. Он видит протягивающуюся к нему руку и через мгновение оказывается в кармане тужурки Чепелева.

А тёмную то за что – лёгкий ужас холодит остатки его сока, косточки замирают и устремляются в область предполагаемых пяток. Какой-то странный импульс, исходящий из области кармана, приводит его немного в себя, и тут он замечает Олега, с интересом наблюдающего за ним.

– У меня ребёнок больной, – словно оправдывая свой жест, выдавливая он из себя, одёргивает топорщающую тужурку и неуверенной походкой покидает кафедру. Олег забывает

о лекции пытается осознать смысл сказанного. Он живо представляет себе сцену встречи его коллеги с женой и демонстрацию ей сомнительного гостинца. Им овладевают довольно смешанные чувства.

Зато Апельсец, услышав последнюю фразу, воспринимает её с явным облегчением и переводит дух. Ну вот, кажется, всё обошлось. Наконец-то и мне нашлось настоящее занятие вместо тупого отлёживания боков на казённых бумагах. Какой внимательный и заботливый отец!

На кафедре появляются остальные преподаватели и начинают собираться домой. Николай Николаевич с удивлением озирает осиротевший стол.

– А где Апельсец?

– Пал смертью храбрых. Ушёл лечить дочку Чепелева.

В помещении наступает тишина, и через мгновение оно наполняется дружным смехом. Исключение составляет Николай Николаевич. Он с грустным видом снимает фуражку, мысленно провожая в последний путь товарища, с которым, как ему кажется, у него образовалась какая-то ментальная связь. Через несколько секунд он, словно опомнившись, присоединяется к остальным.

В спортивной форме

Пан Спортсмен

Чем хороша учёба в академии? Для офицера это время, когда ты забываешь о ежедневной флотского рутине, о ломающейся матчасти и самодурстве начальства. Тебе не докучают подчинённые, не отчитывает командир за напившегося и попавшего на губу моряка. Тебе не грозит расставание с семьёй выходом в море для сдачи очередной задачи, для размагничивания или на основное мероприятие, как называют боевую службу. Ты забываешь о боевой, и ладно бы с ней, главное – о навязшей в зубах политической подготовке, вынуждающей тебя каждый понедельник в течение четырёх часов повышать уровень своего классового самосознания. В общем, хорошего немало. Но есть и нюансы.

Здесь ты с понедельника по субботу добрую половину дня конспектируешь лекции по дисциплинам, большая часть из которых едва ли пригодится тебе впоследствии. А затем до вечера сидишь в классе и занимаешься самоподготовкой – пишешь реферат, обсчитываешь курсовую или готовишься к семинару. Сход на брег, как называют моряки покидание любого места службы, строго регламентирован и контролируется начальством.

Если тебе нужно отлучиться в библиотеку или читальный зал – записываешь на доске против своей фамилии название соответствующего места и время своего отсутствия. Для того, чтобы дежурный, глядя на доску, мог доложить любому проверяющему, где ты, такой сразу всем нужный, находишься и чем занимаешься. Проверит он это вряд ли, но видом своим продемонстрирует, что именно для этого он сюда и пришёл.

Первый семестр обучения в этом отношении особо свиреп. Иной раз проверяющий может даже не заходить в помещение – натренированному уху дружное поскрипывание ручек на фоне царящей тишины хорошо слышится даже через дверь в класс.

Со временем, контроль за самоподготовкой ослабевает, и заведённый порядок поддерживается не столь неукоснительно. Но происходит это уже после первого года обучения.

Что остаётся бедному мученику военной науки делать в этих условиях? Понятное дело – учиться. А в перерывах позволить себе партию-другую в шахматы с коллегой. Или в нарды. В морской бой моряки никогда не играют – это пошло. Вот, собственно, и весь выбор.

Зато Кондратьев с Виноградовым устроились неплохо. Виноградов – отменный баскетболист, член сборной академии. С волейболом Владимир тоже знаком, но не столь близко. Олег же, напротив, тяготеет к волейболу, а его навыков игры баскетбол вполне хватает для уровня факультетской команды. Поэтому в послеобеденные часы их фамилии с упоминанием спортзала практически не исчезают с классной доски – секции волейбола и баскетбола функционируют дважды в неделю каждая. И причина отсутствия вполне уважительна.

Такое положение дел вызывает определённую зависть у одноклассников. И зависть эта коренится в них ещё с училищных времён. Подобными преимуществами традиционно пользуются в одарённые в физическом смысле курсанты военных заведений, ибо освобождение от занятий для участия в соревнованиях широко распространено в училищной среде. Ну и для подготовки к ним – тоже. Ведь спортивные состязания – один из видов соцсоревнования, поощряемый руководством. Да и, помимо всего прочего, почему-то считается, что воин, прежде всего, должен быть физически здоров, а всё остальное – потом. Поскольку, если ты умён, но хил или болен, проку от тебя никакого.

Как следствие, качество образования спортивно-ориентированного курсанта, мягко говоря, страдает. Поэтому сослуживцы нередко называют своего мускулистого товарища

не иначе, как «пан спортсмен» – так звали недалёкого и простодушного героя популярного в своё время телешоу «Кабачок 13 стульев».

Олег не помнит, как появились в классе нарды – было это ещё на первом курсе. Постепенно они завоевали большую популярность среди его коллег. Это была своеобразная компенсация им за привилегии посетителей спортзала. Шеф – старший группы – особо не ограничивал любителей этой игры, снисходительно позволяя им заниматься этим в часы самоподготовки. Да и сам он был не прочь сгонять с ними партию-другую.

С некоторых пор Олег, приходя в класс перед утренним построением, заставлял своих приятелей, азартно бросающих кости, при этом чувствовалось, что сидят они здесь уже не пять и не десять минут. Азарт подогревался бонусом от выигрыша – парой сигарет или папирос, лежащих под игровой доской. Игра возобновлялась в перерывах между парами, продолжалась в обед, а, затем – и на заключительном этапе самоподготовки. И даже звонок, повествующий об окончании рабочего дня, зачастую не мог оторвать играющих от желания выиграть очередную сигарету или отыграть утраченную.

Со временем к этому увлечению добавились и шахматы – доска для нардов была только одна, и время ожидания своей очереди нужно было чем-то занимать. Стоит ли говорить, что уровень мастерства в этих видах спорта – другое слово здесь трудно подобрать, хотя и стоило бы – у его коллег к середине второго курса достиг весьма солидного уровня.

И вот тут у шефа возникла странная, на первый взгляд, идея выявить настоящего спортсмена среди коллег. А попутно оценить необходимость и пользу от частого посещения спортивного зала некоторыми из его коллег.

Надо сказать, что Коношенков всегда отличался задатками лидера и неуёмностью своих амбиций, и нахождение на вторых ролях в чем-либо было не в его правилах. Но со спортом он особо не дружил. Тем необычнее выглядела его затея.

Однотруппники предложение шефа поддержали и активно включились в разработку его регламента. Но Кондратьев с Виноградовым отнеслись к этому с большим скепсисом. Они и так считали себя вполне себе «спортсменами». Их регулярные походы в зал давали на то основание, и по сравнению с товарищами их шансы выглядели безусловно предпочтительней. Мысленно – что греха таить – они уже делили между собой пальму первенства. Но они недооценили всей тонкости замысла шефа.

Согласно ему, каждому было предложено составить перечень видов состязаний, которые, можно было бы организовать в условиях классного помещения, и общим голосованием утвердить его. Ну а в поиске имени для победителя шеф не стал особо изощряться, остановившись на уже привычном термине «Пан спортсмен». Предложение приняли.

В окончательном виде перечень состязаний содержал около дюжины наименований, причём сугубо физические и преимущественно интеллектуальные дисциплины разделились, примерно, поровну. К первым относились прыжки в длину с места, жим и толчок гири, подтягивание на перекладине, игра в настольный теннис и бадминтон. Интеллектуальные состояли из настольных, не считая формально напрашивающегося сюда пинг-понга, и включали нарды, шахматы, и шашки. Для достижения количественного паритета с физическими их усилили разного рода поддавками и «Чапаевым» – игрой в шашки щелчками до полной очистки от них доски. Хотя «Чапаева» можно было бы вывести из разряда интеллектуальных дисциплин и зачислить в физические – эта игра в равной степени была далека от них обеих.

Бадминтон появился в списке совершенно неожиданно для многих. Шефу каким-то образом стало известно, что в общежитии для иностранных слушателей имелся небольшой спортивный зал с разметкой для этой игры, и он включил её в свой перечень. Возражать никто не стал, сочтя эту игру, как и «Чапаева», забавной экзотикой. Позже выяснилось, что Коношенков в юности занимался бадминтоном достаточно серьёзно и небезосновательно рассчитывал здесь на успех.

Для игры в настольный теннис была закуплена пара листов ДСП нужного размера, которые прекрасно разместились на рабочих столах рядом с доской. Чего-чего, а места для этой игры, да и многих других, было вполне достаточно – здание проектировалось ещё в те времена, когда понятие «уплотнительная» применялось только в отношении прокладок в системах гидравлики, а не к жилым застройкам. Поэтому в классных аудиториях, рассчитанных даже на небольшую группу обучаемых, можно было легко состязаться в многоборье не только за титул «Пан Спортсмен», но и проводить модельные испытания самолётов компании «Пан Американ».

Николай Абрамов, мускулистый крепыш и главный претендент на первенство в силовых видах, под покровом темноты принёс из спортзала полуторапудовую гирию и приступил к тренировкам. Сергей Трефилов, согласно его образному выражению, «выцыганил» в лаборатории кафедры ядерной энергетики кусок трубы. Олег живо представил себе Сергея, поющего под гитару томные романсы и разглядывающего складки на руке начальника лаборатории. Добытую трубу в качестве перекладины вмонтировали в дверной проём, ведущий в туалет. Происхождение трубы Трефилов скрывал до последнего, иначе состязания по подтягиванию, отягощённые ещё и местом их проведения, могли бы сорваться.

С комплексом чисто спортивных дисциплин, которому был отведён первый этап состязаний, справились довольно быстро. В прыжках в длину некоторую конкуренцию «спортсменам» составил Пётр Зюзликов. Худощавость и длинные ноги обеспечили их обладателю место в тройке призёров.

Размяв ноги, дали волю рукам. Как и ожидалось, последующие виды силовых упражнений не смогли существенно положение лидеров. Хотя Коля Абрамов, который из-за небольшого роста прыгал не столь убедительно, благодаря перекладине подтянулся к передовикам и надёжно закрепился там после упражнений с гирей.

А вот шефу перекладина далось нелегко, а следовавшая за ней гирия и вовсе утянула его в нижнюю половину таблицы. Но шеф не унывал – впереди были хорошо знакомые ему дисциплины, среди которых особняком стояла его любимая коша, а в рукаве таился козырь – бадминтон. Но до этого предстояло покончить с теннисом. Бадминтон же по замыслу шефа и вовсе шёл на закуску. Для игры в него, якобы, зал пока был недоступен.

С теннисом всё обстояло не так просто. Дело в том, что непосредственно к классу примыкало помещение, в котором хранились чемоданы с секретными документами. Практически любой сотрудник академии обязан был обладать им. Исключение составляли, разве что, уборщицы, сантехники и преподаватели кафедры марксизма-ленинизма – ни у кого из них секретов от народа не было. Чемоданная работала почти без перерывов, поэтому рядом с классом всегда было довольно оживлённо. С этим приходилось считаться. Потому, как звук, издаваемый шариком при отскоке, хорошо слышимый даже сквозь закрытую дверь, в лучшем случае мог вызвать недоумение, а в худшем – послужить поводом для строгого дисциплинарного взыскания. Нужно было искать выход.

Оценив эти риски, шеф предложил для организации теннисных баталий альтернативы – обеденный перерыв или вечернее время. Поразмыслив, товарищи сошлись пожертвовать на это дело обед. Особенно настаивал на этом Александр Ширшов. Жертв требует не только искусство – убеждал он коллег. Нельзя сказать, чтобы это благотворно сказалось на внешнем виде претендентов – все, за исключением него, и так были достаточно стройны и подтянуты. Ширшов же через неделю смог немного увеличить количество подтягиваний, чем поправил своё место в рейтинге.

Как и ожидалось, после тенниса «спортсмены» опять вышли в лидеры.

Настала пора настольных состязаний. Накал борьбы буквально наэлектризовал атмосферу в классном помещении. Сражались в перерывах между лекциями. С нетерпением ждали окончания занятий, чтобы снова ринуться в бой. Никто заранее даже не мог предположить,

что эта затея так поглотит их. Глядя на товарищей, увлечённых схваткой за доской, Олег чувствовал, что, если бы к ним с проверкой зашёл сам начальник академии, никто бы даже и ухом не повёл, а если бы он случайно и попал в поле зрения повернувшегося, то он не сразу бы отреагировал на это должным образом. Эта участь их, к счастью, миновала.

Наверное, кульминацией этого этапа послужила шахматная партия, в которой Кондратьев встречался с Коношенковым. В пылу сражения – а они играли блиц – Олег зевнул ферзя, и его положение стало выглядеть просто катастрофичным. Но тут фортуна смилостивилась над ним – после спасительного хода конём он отыграл потерю. «Вилка» – вещь полезная не только в суши-баре. Шеф дрогнул, Олег воспользовался этим и провёл пешку в ферзи. Ситуация перевернулась – победа была практически у него в кармане.

В этот момент Олег ощутил внезапно наступившую тишину – большинство было увлечено развитием событий на доске и живо реагировали на происходящее. Но вдруг комментарии затихли. Олег обернулся. За плечом у него стоял преподаватель кафедры Николаев и с интересом наблюдал за игрой. Появился он здесь для рутинной проверки хода самостоятельных занятий, но, будучи в душе шахматистом, увлёкся драматичным развитием событий на доске и, казалось, забыл о цели визита.

Олег повернулся к доске – стрелка на часах предательски задрала флажок, и времени оставалось в обрез. Он двинул ферзя вперёд, планируя следующим ходом объявить мат, и нажал на кнопку часов. Секунду помедлив, шеф неуверенно произнёс неприятно резанувшее его слух слово «пат». Затем он произнёс это неприятное слово твёрже, широко улыбнулся и остановил стрелки часов. Действительно, его королю было некуда ходить. Других фигур на доске у него не имелось. Партия закончилась вничью.

Николаев сочувственно похлопал Кондратьева по плечу, поздравил шефа и вышел из класса. Замечаний к ходу самоподготовки у него, похоже, не возникло.

С этого момента шеф обрёл окончательную уверенность в своих силах, и его дела пошли в гору. Больше всего такое положение дел не устраивало Виноградова.

– Шеф – спортсмен! Это звучит дико. Какой он, к хренам собачьим, спортсмен!? – возмущался он в приватном разговоре со Олегом. – Этого никак нельзя допустить.

Внимательно изучив турнирную таблицу, он что-то прикинул в уме и резюмировал.

– Делаем ставку на тебя, у тебя очков больше будет. Настольные игры я буду тебе сливать.

– Дело твоё, конечно. Выбор у меня невелик. Трудно проигрывать человеку, который тебе не сопротивляется. Но имей в виду, что со стороны это может выглядеть заметным. Борьба должна иметь место в любом случае. А там – как выйдет.

– Разберёмся, – согласился Володя.

Другой частью плана Виноградова было желание одолеть соперника на его же поле. Шеф не смог долго утаивать своё давнее знакомство с бадминтоном, и это стало всем известно. Володя нашёл нужный подход к администратору гостиницы для иностранных слушателей, которая, как нетрудно догадываться, была дамой, и приятелям представилась возможность неограниченного доступа туда.

Буквально через пару занятий Олег усвоил основные навыки в этой игре и был готов к состязаниям. Виноградов объяснил ему, что залогом успеха являлась правильная, неудобная для соперника, подача волана, которая выполнялась ударом с низу. Остальное было делом реакции и физических кондиций. С этим у обоих проблем не было. Ну а сам Виноградов ракеткой овладел настолько быстро и уверенно, что бороться с ним на равных было проблематично. Знай тогда Олег, что Владимир ещё в школе посещал секцию бадминтона, а в техникуме продолжал совершенствовать свои навыки в этой игре – он бы не удивился. Как потом, годы спустя, признался Виноградов, он внутренне возликовал, увидев «бадминтон» в перечне игр, но сразу виду не подал. Хотя бы здесь он оказался мудрее шефа.

План сработал. Виноградов одержал довольно убедительную победу над Коношенковым, после чего дал своему партнеру несколько ценных советов. Олег не преминул воспользоваться ими и тоже взял верх во встрече с оппонентом, хотя и с трудом. Но после того, как Олег одолел и Виноградова, у шефа зародились смутные подозрения. И, хотя и те несколько очков, которые добавились в копилку Кондратьеву после встреч со своим «подельником», особой погоды не делали, призрачные надежды на общую победу у шефа растаяли окончательно.

И вот тут вмешался случай, к удовлетворению шефа поставившим точку в спорах за право обладание почётным, хотя и несколько сомнительным титулом. У Коли Абрамова внезапно приключилась почечная колика, и он на некоторое время выбыл из строя. Через несколько дней он объявился и, неожиданно для всех, снялся с соревнований. Причину своего недуга он объяснил резкими движениями ракеткой. Какой именно ракетки, он уточнять не стал. Но в любом случае вопрос о том, как может повлиять маленький спортивный снаряд на обменные процессы в организме, так и остался для всех загадкой.

Шеф с облегчением воспользовался подвернувшимся поводом и объявил состязания завершёнными, причём без объявления победителя. Формально – все понимали – придраться было не к чему, но некоторые не скрывали недоумения. А Виноградов и вовсе заподозрил здесь что-то неладное. Шеф, чтобы поставить точку брожению умов, предложил организовать скромный банкет, призванный, по его мнению, помимо прочего, обеспечить профилактику возможных, пока ещё скрытых последствий турнира. Все это поддержали и, похоже, не напрасно. Игры в полюбившийся многим бадминтон продолжились ещё какое-то время, теперь уже вне зачёта, и травмированных больше не оказалось. Кстати, пострадавший почечно Абрамов от участия в банкете отказываться не стал. После застолья все его жалобы странным образом прекратились, что тоже не осталось незамеченным.

Так ничем и не завершившиеся состязания всё же не прошли бесследно. Петя Зюзликов, прожжённый циник и остро слов, с тех пор стал ласково называть Колю Абрамова «Коликом». А расхожая фраза «Водка лечит, спорт калечит» приобрела наглядную иллюстрацию. Ну, а титул «Пан спортсмен» так и остался бесхозным.

Турнир ВМФ

При счёте «0 – 30» на своей подаче Эмиль нагнулся, положил ракетку на корт и стал тщательно перешнуровывать кроссовку на правой ноге, хотя это было явно лишним. Тактическая уловка была призвана сбить темп игры и заставить понервничать противника непредвиденной, затягивающейся паузой. Некоторые игроки весьма успешно пользуются таким или схожим с ним приёмом, призванным повлиять на психологически неустойчивого соперника. Олега всегда коробила подобная манера, равно как и безапелляционное объявление аутом попавшего в корт мяча – в отсутствии судьи каждый игрок отвечал за свою половину площадки.

Если игра проходила на грунте, как в данном случае, можно было легко проверить след от попадания мяча на чужой стороне, и такое поведение хотя и практиковалось иногда, но, мягко говоря, не приветствовалось. Но, несмотря на это, некоторым, особо неуступчивым в спорах игрокам все же удавалось отстоять свою точку зрения, предъявляя сопернику вместо правильной отметки след от мяча, разыгранного в предыдущем гейме.

Маленькая хитрость не сработала. Петрович уверенно принял подачу, чётким ударом послал мяч по линии. Счёт в решающей партии стал критическим, и у Эмиля осталось мало шансов на победу, как в этом гейме, так и в игре, в целом. Следующий розыгрыш мог оказаться последним в матче. Победа над Эмилем, в прошлом «морским котиком» и опытным турнирным бойцом, открывала Петровичу дорогу в финал.

Вот уже не первый год, как Олег принимал участие в ставшем уже традиционным теннисном турнире, проходившем в преддверии дня ВМФ на кортах Екатерингофского парка. Атмосфера, царившая здесь, всегда привлекала его своей дружеской обстановкой и каким-то особым микроклиматом, заведённым и строго поддерживаемыми директором кортов Георгием, бывшим флотским офицером. Во всём здесь чувствовался хозяйский глаз Георгия. Для него, как для гидрографа по образованию и по роду службы обстоятельность и пунктуальность была не пустым звуком, ибо от точности нанесения результатов промера глубин на карты зависела безопасность мореплавания. Теперь он с неменьшим усердием следил за разметкой кортов и тщательно опрыскивал ядом сорняки, упорно лезущие изо всех щелей. То, что дьявол кроется в деталях, а теннисный – в особенности, Георгий знал хорошо, и старался везде свято следовать этому принципу. Саму эту игру он тоже любил и всегда принимал участие в турнирных баталиях.

Многие насущные вопросы, в том числе подготовку кортов к сезону, закупку инвентаря и поддержание установленного директором порядка члены клуба, решали сообща, под неусыпным взором Георгия. Сами корты утопали в тени вековых дубов, и в тишине парка слышалось пение птиц и щебет ребятишек, доносившихся с соседней детской площадки. Как-то даже не верилось, что ты находишься практически в центре одного из самых густонаселённых и промышленно развитых районов Питера.

Со временем любительский турнир военных моряков вышел за рамки чисто городского мероприятия: сюда стали приезжать гости из других городов, некоторые даже подтягивались из-за границы. Многие так или иначе были связаны с флотом, не делалось исключения и для ему сочувствующих и просто желающих. Один из них – Андрей Петрович, или просто Петрович, однокашник Олега по военно-морской академии и в прошлом партнёр по волейбольной команде факультета, тоже стал завсегдатаем турнира, и его приезд из Москвы всегда сопровождался чредой разнообразных мероприятий, которым тесная компания старых товарищей увлечённо предавались в свободное от матчей время.

Обычно турнирная тусовка пополнялась совершенно далёким от тенниса, но довольно близким к Петровичу человеком – Валерием Эдуардовичем. Их дружба, также зародившаяся ещё в стенах академии, с годами переросла в нечто большее – они тесно общались семьями,

радуя друг друга взаимными визитами, как правило, по праздникам. Иногда с этой целью Валера даже откомандировывал себя в столицу, попутно решая какие-то служебные вопросы. У Петровича дел в Питере обычно не было, за исключением, разве что, турнира.

Вот и сегодня Валера приехал сюда повидаться с другом. Он сидел на скамейке рядом с площадкой, поглаживал живот и по-дружески беззлобно освистывал любое неудачное, на его взгляд, действие приятеля на корте. Каждому, немного сведущему в теннисе, было видно, что это была реакция человека, не очень посвящённого в тонкости игры – она была несколько запоздалой, и выражала не столько непосредственную оценку этого самого действия, сколько отклик на решение судьи о результативности удара Петровича.

Олег недавно завершил свою встречу. Он сидел рядом с Валерой и тоже наблюдал за игрой Илюшина. В какой-то момент он различил странное побулькивание, доносящееся из лежащего на коленях моего товарища портфеля. Хотя ничего странного в этом не было. У каждого из здесь присутствующих были свои традиции.

Согласно своей традиции, на время соревнований Валера брал отпуск. На вопрос подчинённых о месте его проведения он останавливался на пороге офиса, вздыхал и как-то, без особой радости в голосе, признавался:

– У меня теннисный турнир.

Сослуживцы с уважением провожали взглядом его, прямо скажем, несколько далёкую от теннисных канонов фигуру и искренне желали ему победы.

Смирилась с таким положением дел и супруга Валеры. Каждый раз она с содроганием ждала этого периода, когда муж на целые дни исчезал и появлялся дома глубоко за полночь, да и то не каждый вечер. Петрович предусмотрительно снимал в гостинице двухместный номер, и порой это было нелишним. И если в один из таких дней в доме Валеры раздавался звонок, и кто-то из друзей разыскивал товарища или предлагал его жене встретиться семьями, она вежливо отказывалась:

– Ну что вы, у Валерочки сейчас теннисный турнир!

Звонившие недоумевали – Валера и турнир!?

Как и ожидалось, матч завершился победой Петровича. Валера проводил приятеля в раздевалку, где торжественно извлёк из кожаной темницы бутылку коньяка. Вслед за ним из портфеля на стол последовала и незатейливая закуска – фирменный шоколадный батончик производства кондитерской фабрики имени Крупской. Главными достоинствами этой закуски была лёгкость расчленения батончика на восемь кубиков – по два кубика на каждого, и то, что шоколад неплохо сочетался с коньяком. Правда, на этом её достоинства заканчивались.

Валера повернулся к Георгию, который в этот момент под диктовку Олега заносил результаты сегодняшних встреч в турнирную таблицу, и поинтересовался:

– Не найдётся ли у тебя, братец, хрусталя? Желательно, конечно, изысканного, – он улыбнулся в усы.

При виде бутылки Георгий непроизвольно поморщился, развернул свою любимую бейсболку с символом «Nike», с которой практически не расставался на кортах, козырьком назад, потёр лоб и нехотя полез в сейф за пластиковыми стаканчиками.

– Вот тебе изысканный. В сейфе.

Накануне Георгию, несмотря сложную семейную ситуацию, не удалось уклониться от участия в привальной, традиционно затеваемой Петровичем по случаю прибытия на турнир. По её завершении товарищи, вместо того, чтобы проследовать по домам: кто – по месту прописки, кто – в гостиницу – так и остались ночевать на кортах. Может быть, поэтому он так остро отреагировал на появление на столе коньяка.

Валера аккуратно выстроил белые стаканчики в ряд, наполнил их на треть коньяком и провозгласил лаконичный тост «Ну, за встречу!» Друзья беззвучно чокнулись пластмассой. Это было не лишним. Сидящие рядом раздевалкой участники турнира и зрители вряд ли запо-

дозрили бы что-то неладное. Согласно уставу клуба, распитие спиртного и курение на кортах никогда не поощрялось и в любом случае, не рекламировалось. Но каждое правило имеет свои исключения. Сегодня оно называлось «Илюшин».

После слов «За встречу» Георгия слегка передёрнуло, но взял себя в руки и нерешительно поднёс стаканчик ко рту. Он где-то слышал, что слово «турнир» в переводе с латыни означало повторное действие или встречу с новым партнёром. Он смирился с неизбежным, выдохнул и проглотил терпкую жидкость. Вслед за этим он быстро вытащил сигарету и закурил. Валера последовал его примеру. Олег с Андреем закусили шоколадкой.

Далее, с короткими интервалами, последовали свято чтимые в их кругу, лаконичные и ёмкие «За теннис» и «За тех, кто в море», и пустая бутылка последовала в урну. Шоколадка на столе тускло отсвечивала двумя оставшимися кубиками и всем своим видом требовала продолжения банкета. Долго никого уговаривать не пришлось.

Недалеко от кортов в ту пору уж было немало заведений, готовых распахнуть свои объятия для каждого платёжеспособного организма. Ещё сравнительно не так давно, в советские времена, здесь их были считанные единицы, и чтобы попасть в более или менее приличный зал, оснащённый официантами, порой приходилось отстоять очередь в ожидании освободившегося столика. При этом зачастую требовалось соблюдать определённый дресс-код – в некоторых ресторанах «лица в джинсах» не обслуживались, о чем гласила соответствующая надпись на входе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.